Г-71

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ V полка 3. № 18.

Литература

№ 664

Б-5-23-16

Окш
16

Б. М. V. 3. 18.

16

17 18

Г-71

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій.

На днѣ.

Картины. Четыре акта.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тридцать восьмая тысяча.

Цѣна 60 коп.

9189

Ген. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Типографія журн. «Искусство и Худож. Промышл.» Н. П. Собко. Почтамтская, 13.

Посвящаю

Константину Петровичу Пятницкому.

М. Горькій.

На днѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

На днѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИХАИЛЪ ИВАНОВЪ КОСТЫЛЕВЪ, 54 л., содержатель ночлежки.
ВАСИЛИСА КАРПОВНА, его жена, 26 л.
НАТАША, ея сестра, 20 л.
МЕДВѢДЕВЪ, ихъ дядя, полицейскій, 50 л.
ВАСЬКА ПЕПЕЛЪ, 28 л.
КЛЕЩЪ, АНДРЕЙ МИТРИЧЪ, слесарь, 40 л.
АННА, его жена, 30 л.
НАСТЯ, дѣвица, 24 л.
КВАШНЯ, торговка пельменями, подъ 40 л.
БУБНОВЪ, картузникъ, 45 л.
САТИНЪ, АКТЕРЪ } приблизительно одного возраста, подъ 40 лѣтъ.
БАРОНЪ, 33 л.
ЛУКА, странникъ, 60 л.
АЛЕШКА, сапожникъ, 20 л.
КРИВОЙ ЗОБЪ, ТАТАРИНЪ } крючники.

Нѣсколько босяковъ безъ именъ и рѣчей.

На днѣ.

Подвалъ, похожій на пещеру. Потолокъ—тяжелый, каменные своды, закопченные, съ обвалившейся штукатуркой. Свѣтъ отъ зрителя и сверху внизъ,—изъ квадратнаго окна съ правой стороны. Правый уголъ занятъ отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери въ эту комнату—нары Бубнова. Въ лѣвомъ углу—большая русская печь; въ лѣвой, каменной стѣнѣ—дверь въ кухню, гдѣ живутъ Квашня, Баронъ, Настя. Между печью и дверью у стѣны—широкая кровать, закрытая грязнымъ ситцевымъ пологомъ. Вездѣ по стѣнамъ—нары. На переднемъ планѣ у лѣвой стѣны—обрубокъ дерева съ тисками и маленькой наковальней, прикрѣпленными къ нему, и другой, пониже перваго. На послѣднемъ, передъ наковальней сидитъ Клещъ, примѣряя ключи къ старымъ замкамъ. У ногъ его—двѣ большія связки разныхъ ключей, надѣтыхъ на кольца изъ проволоки, псковерканный самоваръ изъ жести, молотокъ, подпилки. Посрединѣ почлежки — большой столъ, двѣ скамьи, табуретъ, все—некрашеное и грязное. За столомъ, у самовара Квашня хозяйничаетъ. Баронъ жуетъ черный хлѣбъ и Настя, на табуретѣ, читаетъ, облокотясь на столъ, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологомъ, кашляетъ Анна. Бубновъ, сидя на нарахъ, примѣряетъ на болванкѣ для шапокъ, зажатой въ колѣняхъ, старые, распоротые брюки, соображая, какъ нужно кроить. Около него—изодранная картонка изъподъ шляпы—для козырьковъ, куски клеенки, тряпье. Сатинъ только что проснулся, лежитъ на нарахъ и—рычитъ. На печкѣ, невидимый, возится и кашляетъ Актеръ.

Начало весны. Утро.

БАРОНЪ.

Дальше!

КВАШНЯ.

Нѣ-ѣтъ, говорю, милый, съ этимъ ты отъ меня поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь ужъ ни за сто печеныхъ раковъ подъ вѣнецъ не пойду!

БУБНОВЪ (*Сатину*).

Ты чего хрюкаешь?

(Сатинъ рычитъ).

КВАШНЯ.

Чтобы я, говорю, свободная женщина, сама себѣ хозяйка, да кому-нибудь въ паспортъ вписалась, чтобы я мужчинѣ въ крѣпость себя отдала — нѣтъ! Да будь онъ хоть принцъ американскій, — не подумаю замужъ за него идти.

КЛЕЩЪ.

Врешь!

КВАШНЯ.

Чего-о?

КЛЕЩЪ.

Врешь. Обвѣнчаешься съ Абрамкой...

БАРОНЪ.

(выхвативъ у Насти книжку, читаетъ названіе).

«Роковая любовь»... *(Хохочетъ).*

НАСТЯ *(протягивая руку).*

Дай... отдай! Ну... не балуй!

БАРОНЪ.

(смотритъ на нее, помахивая книжкой въ воздухѣ).

КВАШНЯ (*Клещу*).

Козелъ ты рыжій! Туда же—врешь! Да какъ ты смѣешь говорить мнѣ такое дерзкое слово?

БАРОНЪ

(ударяя книгой по головѣ Настю).

Дура ты, Настька...

НАСТЯ (*отнимаетъ книгу*).

Дай...

КЛЕЩЪ.

Велика барыня... А съ Абрамкой ты обвѣнчаешься... только того и ждешь...

КВАШНЯ.

Конечно! Еще бы!.. какъ-же! Ты, вонъ, заѣздилъ жену-то до полусмерти...

КЛЕЩЪ.

Молчать, старая собака! Не твое это дѣло...

КВАШНЯ.

А-а! Не терпишь правды!

БАРОНЪ.

Началось! Настька—ты гдѣ?

НАСТЯ (*не поднимая головы*).

А... Уйди!

АННА

(*высовывая голову изъ-за полога*).

Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

КЛЕЩЪ.

Заныла!

АННА.

Каждый Божій день... дайте хоть умереть спокойно!

БУБНОВЪ.

Шумъ—смерти не помѣха...

КВАШНЯ (*подходя къ Аннѣ*).

И какъ ты, мать моя, съ такимъ злыднемъ жила?

АННА.

Оставь... отстань...

КВАШНЯ.

Н-ну! Эхъ ты... терпѣливица!.. Что, не легче въ груди-то?

БАРОНЪ.

Квашня! На базаръ пора...

КВАШНЯ.

Идемъ сейчасъ! (*Аннѣ*). Хочешь пельмешковъ горяченькихъ дамъ?

АННА.

Не надо... спасибо. Зачѣмъ мнѣ ѣсть?

КВАШНЯ.

А ты поѣшь. Горячее—мягчитъ. Я тебѣ въ чашку отложу и оставлю... захочешь когда и покушай! Идемъ, баринъ... (*Клещу*). У, нечистый духъ... (*Уходитъ въ кухню*).

АННА (*кашляя*).

Господи...

БАРОНЪ

(*тихонько толкаетъ Настю въ затылокъ*)

Брось... дуреха!

НАСТЯ (*бормочетъ*).

Убирайся... я тебѣ не мѣшаю.

(*Баронъ, насвистывая, уходитъ за Квашней*).

САТИНЪ

(*приподнимаясь на нарахъ*).

Кто это билъ меня вчера?

БУБНОВЪ.

А тебѣ не все равно?..

САТИНЪ.

Положимъ такъ... А за что били?

БУБНОВЪ.

Въ карты игралъ?

САТИНЪ.

Игралъ...

БУБНОВЪ.

За это и били...

САТИНЪ.

М-мерзавцы...

АКТЕРЪ

(*высовывая голову съ печи*).

Однажды тебя совсѣмъ убьютъ до смерти...

САТИНЪ.

А ты—болванъ.

АКТЕРЪ.

Почему?

САТИНЪ.

Потому что дважды убить нельзя?

АКТЕРЪ *(помолчавъ).*

Не понимаю... почему—нельзя.

КЛЕЩЪ.

А ты слѣзай съ печи-то, да убирай квартиру... чего нѣжишься?

АКТЕРЪ.

Это дѣло не твое...

КЛЕЩЪ.

А вотъ Василиса придетъ—она тебѣ покажетъ, чье дѣло...

АКТЕРЪ.

Къ чорту Василису! Сегодня Баронова очередь убираться... Баронъ!

БАРОНЪ *(выходя изъ кухни).*

Мнѣ некогда убираться... я на базаръ иду съ Квашней.

АКТЕРЪ.

Это меня не касается... иди хоть на каторгу... а полъ мести твоя очередь... я за другихъ не стану работать...

БАРОНЪ.

Ну, чортъ съ тобой! Настенька подмететъ... Эй, ты, роковая любовь! Очнись! (*Отнимаетъ книгу у Насти*).

НАСТЯ *(вставая).*

Что тебѣ нужно? Дай сюда! Озорникъ! А еще—баринъ...

БАРОНЪ (*отдавая книгу*).

Настя! Подмети полъ за меня—ладно?

НАСТЯ (*уходя въ кухню*).

Очень нужно... какъ-же!

КВАШНЯ

(*въ двери изъ кухни—Барону*).

А ты — иди! Уберутся безъ тебя... Актеръ! тебя просятъ,—ты и сдѣлай... не переломишься, чай!

АКТЕРЪ.

Ну... всегда я... не понимаю...

БАРОНЪ

(*выноситъ изъ кухни на коромыслѣ корзины. Въ нихъ корчаги, покрытыя тряпками*).

Сегодня что-то тяжело...

САТИНЪ.

Стоило тебѣ родиться барономъ...

КВАШНЯ *(Актеру).*

Ты смотри же, подмети!

(*Выходитъ въ сѣни, пропустивъ впередъ себя Барона*).

АКТЕРЪ (*слѣзая съ печи*).

Мнѣ вредно дышать пылью. (*Съ гордостью*). Мой организмъ отравленъ алкоголемъ... (*Задумывается, сидя на нарахъ*).

САТИНЪ.

Организмъ... органонъ...

АННА.

Андрей Митричъ...

КЛЕЩЪ.

Что еще?

АННА.

Тамъ пельмени мнѣ оставила Квашня... возьми, поѣшь.

КЛЕЩЪ (*подходя къ ней*).

А ты—не будешь?

АННА.

Не хочу... На что мнѣ ѣсть? Ты—работникъ... тебѣ—надо...

КЛЕЩЪ.

Боишься? Не бойся... можетъ еще...

АННА.

Иди, кушай! Тяжело мнѣ... видно скоро ужъ...

КЛЕЩЪ (*отходя*).

Ничего... можетъ—встанешь... бываетъ! (*Уходитъ въ кухню*).

АКТЕРЪ

(*громко, какъ-бы вдругъ проснувшись*).

Вчера, въ лечебницѣ, докторъ сказалъ мнѣ: вашъ, говоритъ, организмъ—совершенно отравленъ алкоголемъ...

САТИНЪ (*улыбаясь*).

Органонъ...

АКТЕРЪ (*настойчиво*).

Не органонъ, а ор-га-ни-змъ...

САТИНЪ.

Сикамбръ...

АКТЕРЪ

(*машетъ на него рукой*).

Э, вздоръ! Я говорю—серьезно... да. Если организмъ—отравленъ...—значитъ,—мнѣ вредно мести полъ... дышать пылью...

САТИНЪ.

Макробіотика... ха!

БУБНОВЪ.

Ты чего бормочешь?

САТИНЪ.

Слова... А то еще есть—транс-сцедентальный...

БУБНОВЪ.

Это что?

САТИНЪ.

Не знаю... забылъ...

БУБНОВЪ.

А къ чему говоришь?

САТИНЪ.

Такъ... Надоѣли мнѣ, братъ, всѣ человѣческія слова... всѣ наши слова—надоѣли! Каждое изъ нихъ слышалъ я... навѣрное, тысячу разъ...

АКТЕРЪ.

Въ драмѣ «Гамлетъ» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я игралъ въ ней могильщика...

КЛЕЩЪ (*выходя изъ кухни*).

Ты съ метлой играть скоро будешь?

АКТЕРЪ.

Не твое дѣло... (*Ударяетъ себя въ грудь рукой*). Офелія! О, помяни меня въ твоихъ молитвахъ!..

(За сценой, гдѣ-то далеко,—глухой шумъ, крики, свистокъ полицейскаго. Клещъ садится за работу и скрипитъ подпилкомъ).

САТИНЪ.

Люблю непонятныя, рѣдкія слова... Когда я былъ мальчишкой... служилъ на телеграфѣ... я много читалъ книгъ...

БУБНОВЪ.

А ты былъ и телеграфистомъ?

САТИНЪ.

Былъ... Есть очень хорошія книги... и множество любопытныхъ словъ... Я былъ образованнымъ человѣкомъ... знаешь?

БУБНОВЪ.

Слыхалъ... сто разъ! Ну и былъ... эка важность!.. Я вотъ — скорнякъ былъ... свое заведеніе имѣлъ... Руки у меня были такія желтыя — отъ краски: мѣха подкрашивалъ я,—такія, братъ, руки были желтыя — по локоть! Я ужъ думалъ, что до самой смерти не отмою... такъ съ желтыми руками и помру... А теперь вотъ онѣ, руки... просто грязныя... да!

САТИНЪ.

Ну, и что-же?

БУБНОВЪ.

И больше ничего...

САТИНЪ.

Ты это къ чему?

БУБНОВЪ.

Такъ... для соображенія... Выходитъ — снаружи какъ себя ни раскрашивай, все сотрется... все сотрется, да!

САТИНЪ.

А... кости у меня болятъ!

АКТЕРЪ

(*сидитъ, обнявъ руками колѣни*).

Образованіе — чепуха, главное—талантъ. Я зналъ артиста... онъ читалъ роли по складамъ, но могъ играть героевъ такъ, что... театръ трещалъ и шатался отъ восторга публики...

САТИНЪ.

Бубновъ, дай пятачекъ!

БУБНОВЪ.

У меня всего двѣ копѣйки...

АКТЕРЪ.

Я говорю—талантъ, вотъ что нужно герою. А талантъ—это вѣра въ себя, въ свою силу...

САТИНЪ.

Дай мнѣ пятакъ, и я повѣрю, что ты талантъ, герой, крокодилъ, частный приставъ... Клещъ, дай пятакъ!

КЛЕЩЪ.

Пошелъ къ чорту! Много васъ тутъ...

САТИНЪ.

Чего ты ругаешься? Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша, я знаю...

АННА.

Андрей Митричъ... Душно мнѣ... трудно...

КЛЕЩЪ.

Что-же я сдѣлаю?

БУБНОВЪ.

Дверь въ сѣни отворп...

КЛЕЩЪ.

Ладно! Ты сидишь на нарахъ, а я — на полу... пусти меня на свое мѣсто, да и отворяй... а я и безъ того простуженъ...

БУБНОВЪ (*спокойно*).

Мнѣ отворять не надо... твоя жена проситъ...

КЛЕЩЪ (*угрюмо*).

Мало-ли кто чего попросилъ-бы...

САТИНЪ.

Гудитъ у меня голова... эхъ! И зачѣмъ люди бьютъ другъ друга по башкамъ?

БУБНОВЪ.

Онп не только по башкамъ, а и по всему прочему тѣлу. (*Встаетъ*). Пойти, нитокъ купить... А хозяевъ нашихъ чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (*Уходитъ*).

(*Анна кашляетъ. Сатинъ, закинувъ руки подъ голову, лежитъ неподвижно*).

9189

Ген. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

АКТЕРЪ

(*тоскливо осмотрѣвшись вокругъ, подходитъ къ Аннѣ*).

Что? Плохо?

АННА.

Душно.

АКТЕРЪ.

Хочешь — въ сѣни выведу? Ну, вставай. (*Помогаетъ женщинѣ подняться, накидываетъ ей на плечи какую-то рухлядь и поддерживая ведетъ въ сѣни*). Ну-ну... твердо! Я—самъ больной... отравленъ алкоголемъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*въ дверяхъ*).

На прогулку? Ахъ, и хороша парочка, баранъ да ярочка...

АКТЕРЪ.

А ты—посторонись... видишь, больные идутъ?..

КОСТЫЛЕВЪ.

Проходи, изволь... (*Напѣвая подъ носъ что-то божественное, подозрительно осматриваетъ ночлежку и склоняетъ голову налѣво, какъ-бы прислушиваясь къ чему-то въ комнатѣ Пепла. Клещъ ожесточенно звякаетъ ключами и скрипитъ подпилкомъ, исподлобья слѣдя за хозяиномъ*). Скрипишь?

КЛЕЩЪ.

Чего?

КОСТЫЛЕВЪ.

Скрипишь, говорю? (*Пауза*). А-а... того... что, бишь, я хотѣлъ спросить? (*Быстро и негромко*). Жена не была здѣсь?

КЛЕЩЪ.

Не видалъ...

КОСТЫЛЕВЪ

(*осторожно подвигаясь къ двери въ комнату Пепла*).

Сколько ты у меня за два-то рубля въ мѣсяцъ мѣста занимаешь! Кровать... самъ сидишь... н-да! На пять цѣлковыхъ мѣста, ей-Богу! Надо будетъ накинуть на тебя полтинникъ...

КЛЕЩЪ.

Ты петлю на меня накинь, да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинникахъ думаешь...

КОСТЫЛЕВЪ.

Зачѣмъ тебя давить? Кому отъ этого польза? Господь съ тобой, живи, знай, въ свое удовольствіе... А я на тебя полтинку накину,—маслица въ лампаду куплю... и будетъ передъ святой иконой жертва моя горѣть... И за меня жертва пойдетъ, въ воздаяніе грѣховъ моихъ, и за тебя тоже. Вѣдь самъ ты о грѣхахъ своихъ не думаешь... ну вотъ... Эхъ, Андрюшка, злой ты человѣкъ! Жена твоя зачахла отъ твоего злодѣйства... никто тебя не любитъ, не уважаетъ... работа твоя скрипучая, безпокойная для всѣхъ...

КЛЕЩЪ (*кричитъ*).

Ты что меня... травить пришелъ?

(*Сатинъ громко рычитъ*).

КОСТЫЛЕВЪ (*вздрогнувъ*).

Экъ ты, батюшка...

АКТЕРЪ (*входитъ*).

Усадилъ бабу въ сѣняхъ, закуталъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Экой ты добрый, братъ! Хорошо это... это зачтется все тебѣ...

АКТЕРЪ.

Когда?

КОСТЫЛЕВЪ.

На томъ свѣтѣ, братикъ... тамъ все, всякое дѣяніе наше усчитываютъ...

АКТЕРЪ.

А ты бы вотъ здѣсь наградилъ меня за доброту...

КОСТЫЛЕВЪ.

Это какъ-же я могу?

АКТЕРЪ.

Скости половину долга...

КОСТЫЛЕВЪ.

Хе-хе! Ты все шутишь, милачокъ, все играешь... Развѣ доброту сердца съ деньгами можно равнять? Доброта—она превыше всѣхъ благъ. А долгъ твой мнѣ—это такъ и есть долгъ! Значитъ, долженъ ты его мнѣ возмѣстить... Доброта твоя мнѣ, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

АКТЕРЪ.

Шельма ты, старецъ... (*Уходитъ въ кухню*).

(*Клещъ встаетъ и уходитъ въ сѣни*).

КОСТЫЛЕВЪ (*Сатину*).

Скрипунъ-то? Убѣжалъ, хе-хе! Не любитъ онъ меня...

САТИНЪ.

Кто тебя—кромѣ чорта—любитъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*посмѣиваясь*).

Экой ты ругатель! А я васъ всѣхъ люблю... я понимаю, братія вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (*Вдругъ, быстро*) А... Васька—дома?

САТИНЪ.

Погляди...

КОСТЫЛЕВЪ

(*подходитъ къ двери и стучитъ*).

Вася!

(*Актеръ появляется въ двери изъ кухни. Онъ что-то жуетъ*).

ПЕПЕЛЪ.

Кто это?

КОСТЫЛЕВЪ.

Это я... я, Вася.

ПЕПЕЛЪ.

Что надо?

КОСТЫЛЕВЪ (*отодвигаясь*).

Отвори...

САТИНЪ (*не глядя на Костылева*).

Онъ отворитъ, а она—тамъ...

(*Актеръ фыркаетъ*).

КОСТЫЛЕВЪ (*безпокойно, не громко*).

А? Кто тамъ? Ты... что?

САТИНЪ.

Чего? Ты—мнѣ говоришь?

КОСТЫЛЕВЪ.

Ты что сказалъ?

САТИНЪ.

Это я такъ... про себя...

КОСТЫЛЕВЪ.

Смотри, братъ! Шути въ мѣру... да! (*Сильно стучитъ въ дверь*). Василій!..

ПЕПЕЛЪ (*отворяя дверь*).

Ну? Чего безпокоишь?

КОСТЫЛЕВЪ

(*заглядывая въ комнату*).

Я... видишь—ты...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги принесъ?

КОСТЫЛЕВЪ.

Дѣло у меня къ тебѣ...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги—принесъ?

КОСТЫЛЕВЪ.

Какія? Погоди...

ПЕПЕЛЪ.

Деньги, семь рублей, за часы—ну?

КОСТЫЛЕВЪ.

Какіе часы, Вася?... Ахъ, ты...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, ты гляди! Вчера, при свидѣтеляхъ, я тебѣ продалъ часы за десять рублей... три—получилъ, семь—подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тутъ, безпокоитъ людей... а дѣла своего не знаетъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы,—они...

САТИНЪ.

Краденые...

КОСТЫЛЕВЪ (*строго*).

Я краденаго не принимаю... какъ ты можешь...

ПЕПЕЛЪ (*беретъ его за плечо*).

Ты—зачѣмъ меня встревожилъ? Чего тебѣ надо?

КОСТЫЛЕВЪ.

Да... мнѣ—ничего... я уйду... если ты такой...

ПЕПЕЛЪ.

Ступай, принеси деньги!

КОСТЫЛЕВЪ (*уходитъ*).

Экіе грубые люди! Ай-яй...

АКТЕРЪ.

Комедія!

САТИНЪ.

Хорошо! Это я люблю...

ПЕПЕЛЪ.

Чего онъ тутъ?

САТИНЪ (*смѣясь*).

Не понимаешь? Жену ищетъ... и чего ты не пришибешь его, Василій!?

ПЕПЕЛЪ.

Стану я изъ-за такой дряни жизнь себѣ портить...

САТИНЪ.

А ты—умненько. Потомъ—женись на Василисѣ... хозяиномъ нашимъ будешь...

ПЕПЕЛЪ.

Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по добротѣ моей, въ кабакѣ пропьете... (*Садится на нары*). Старый чортъ... разбудилъ... А я—сонъ хорошій видѣлъ: будто ловлю я рыбу и попалъ мнѣ—огромаднѣйшій лещъ! Такой лещъ,—только во снѣ эдакіе и бываютъ... И вотъ я его вожу на удочкѣ и боюсь,—леса оборвется! И приготовилъ сачокъ... вотъ, думаю, сейчасъ...

САТИНЪ.

Это не лещъ, а Василиса была...

АКТЕРЪ.

Василису онъ давно поймалъ...

ПЕПЕЛЪ (*сердито*).

Подите вы къ чертямъ... да и съ ней вмѣстѣ!

КЛЕЩЪ (*входитъ изъ сѣней*).

Холодище... собачій...

АКТЕРЪ.

Ты что-же Анну не привелъ? Замерзнетъ...

КЛЕЩЪ.

Ее Наташка въ кухню увела къ себѣ...

АКТЕРЪ.

Старикъ—выгонитъ...

КЛЕЩЪ (*садясь работать*).

Ну... Наташка приведетъ...

САТИНЪ.

Василій! Дай пятакъ...

АКТЕРЪ (*Сатину*).

Эхъ ты... пятакъ! Вася! Дай намъ двугривенный...

ПЕПЕЛЪ.

Надо скорѣе дать... пока рубля не просите... на!

САТИНЪ.

Гиблартарръ! Нѣтъ на свѣтѣ людей лучше воровъ!

КЛЕЩЪ (*угрюмо*).

Имъ легко деньги достаются... Они—не работаютъ...

САТИНЪ.

Многимъ деньги легко достаются, да не многіе легко съ ними разстаются... Работа? Сдѣлай такъ, чтобъ работа была мнѣ пріятна; я, можетъ быть, буду работать... да! Можетъ быть! Когда трудъ—удовольствіе, жизнь—хороша! Когда трудъ—обязанность, жизнь—рабство! (*Актеру*). Ты, Сарданапалъ! Идемъ...

АКТЕРЪ.

Идемъ, Навухудоносоръ! Напьюсь—какъ... сорокъ тысячъ пьяницъ... (*Уходятъ*).

ПЕПЕЛЪ (*зѣвая*).

Что, какъ жена твоя?

КЛЕЩЪ.

Видно скоро ужъ... (*Пауза*).

ПЕПЕЛЪ.

Смотрю я на тебя,—зря ты скрипишь.

КЛЕЩЪ.

А что дѣлать?

ПЕПЕЛЪ.

Ничего...

КЛЕЩЪ.

А какъ ѣсть буду?

ПЕПЕЛЪ.

Живутъ-же люди...

КЛЕЩЪ.

Эти? Какіе они люди? Рвань, золотая рота... люди! я—рабочій человѣкъ... мнѣ глядѣть на нихъ стыдно... я съ малыхъ лѣтъ работаю... Ты думаешь, я не вырвусь отсюда? Вылѣзу... кожу сдеру, а вылѣзу... Вотъ, погоди.... умреть жена... Я здѣсь полгода прожилъ... а все равно, какъ шесть лѣтъ...

ПЕПЕЛЪ.

Никто здѣсь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

КЛЕЩЪ.

Не хуже! Живутъ безъ чести, безъ совѣсти...

ПЕПЕЛЪ (*равнодушно*).

А куда они—честь, совѣсть? На ноги, вмѣсто сапоговъ, не надѣнешь ни чести, ни совѣсти... Честь-совѣсть тѣмъ нужна, у кого власть да сила есть...

БУБНОВЪ (*входитъ*).

У-у... озябъ!

ПЕПЕЛЪ.

Бубновъ! У тебя совѣсть есть?

БУБНОВЪ.

Чего-о? Совѣсть?

ПЕПЕЛЪ.

Ну да!

БУБНОВЪ.

На что совѣсть? Я—не богатый...

ПЕПЕЛЪ.

Вотъ и я тоже говорю: честь-совѣсть богатымъ нужна, да! А Клещъ ругаетъ насъ: нѣтъ, говоритъ, у насъ совѣсти...

БУБНОВЪ.

А онъ что—занять хотѣлъ?

ПЕПЕЛЪ.

У него своей много...

БУБНОВЪ.

Значитъ, продаешь? Ну, здѣсь этого никто не купитъ. Вотъ картенки ломаныя я-бы купилъ... да и то въ долгъ...

ПЕПЕЛЪ (*поучительно*).

Дуракъ ты, Андрюшка! Ты-бы, на счетъ совѣсти, Сатина послушалъ... а то—Барона...

КЛЕЩЪ.

Не о чемъ мнѣ съ ними говорить...

ПЕПЕЛЪ.

Они—поумнѣе тебя будутъ... хоть и пьяницы...

БУБНОВЪ.

А кто пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ...

ПЕПЕЛЪ.

Сатинъ говоритъ: всякій человѣкъ хочетъ, чтобы сосѣдъ его совѣсть имѣлъ, да никому, видишь, невыгодно имѣть-то ее... И это—вѣрно...

(*Наташа входитъ. За нею—Лука съ палкой въ рукѣ, съ котомкой за плечами, котелкомъ и чайникомъ у пояса*).

ЛУКА.

Добраго здоровья, народъ честной!

ПЕПЕЛЪ (*приглаживая усы*).

А-а, Наташа!

БУБНОВЪ (*Луку*).

Былъ честной, да позапрошлой весной...

НАТАША.

Вотъ—новый постоялецъ...

ЛУКА.

Мнѣ—все равно! Я и жуликовъ уважаю, по-моему, ни одна блоха—не плоха: всѣ—черненькія, всѣ—прыгаютъ... такъ-то. Гдѣ тутъ, милая, приспособиться мнѣ?

НАТАША

(*указывая на дверь въ кухню*).

Туда иди, дѣдушка...

ЛУКА.

Спасибо, дѣвушка! Туда, такъ туда... Старику—гдѣ тепло, тамъ и родина...

ПЕПЕЛЪ.

Какого занятнаго старичишку-то привели вы, Наташа..

НАТАША.

Поинтереснѣе васъ... Андрей! Жена твоя въ кухнѣ у насъ... ты, погодя, приди за ней.

КЛЕЩЪ.

Ладно... приду...

НАТАША.

Ты бы, чай, теперь поласковѣе съ ней обращался... вѣдь ужъ не долго...

КЛЕЩЪ.

Знаю...

НАТАША.

Знаешь... Мало знать, ты — понимай. Вѣдь умирать-то страшно...

ПЕПЕЛЪ.

А я вотъ—не боюсь...

НАТАША.

Какъ же!.. Храбрость...

БУБНОВЪ *(свистнувъ)*.

А нитки-то гнилыя...

ПЕПЕЛЪ.

Право, не боюсь! Хоть сейчасъ — смерть приму! Возьмите вы ножъ, ударьте противъ сердца... умру—не охну! Даже—съ радостью, потому что—отъ чистой руки...

НАТАША (*уходитъ*).

Ну, вы другимъ ужъ зубы-то заговаривайте.

БУБНОВЪ *(протяжно)*.

А ниточки-то гнилыя...

НАТАША (*у двери въ сѣни*).

Не забудь, Андрей, про жену...

КЛЕЩЪ.

Ладно...

ПЕПЕЛЪ.

Славная дѣвка!

БУБНОВЪ.

Дѣвица—ничего...

ПЕПЕЛЪ.

Чего она со мной... такъ? Отвергаетъ... Все равно вѣдь—пропадетъ здѣсь...

БУБНОВЪ.

Черезъ тебя пропадетъ...

ПЕПЕЛЪ.

Зачѣмъ—черезъ меня? Я ее—жалѣю...

БУБНОВЪ.

Какъ волкъ овцу...

ПЕПЕЛЪ.

Врешь ты! Я очень... жалѣю ее... Плохо ей тутъ жить... я вижу...

КЛЕЩЪ.

Погоди, вотъ Василиса увидитъ тебя въ разговорѣ съ ней...

БУБНОВЪ.

Василиса? Н-да, она своего даромъ не отдаетъ... баба—лютая...

ПЕПЕЛЪ (*ложится на нары*).

Подите вы къ чертямъ оба... пророки!

КЛЕЩЪ.

Увидишь... погоди!..

ЛУКА (*въ кухнѣ, напѣваетъ*).

Середь но-очи... пу-уть-дорогу не-е видать...

КЛЕЩЪ (*уходя въ сѣни*).

Ишь, воетъ... тоже...

ПЕПЕЛЪ.

А скушно... чего это скушно мнѣ бываетъ? Живешь-живешь, все хорошо! И вдругъ — точно озябнешь: сдѣлается скушно...

БУБНОВЪ.

Скушно? М-м...

ПЕПЕЛЪ.

Ей-ей!

ЛУКА (*поетъ*).

Эхъ, и не вида-ать пути-и...

ПЕПЕЛЪ.

Старикъ! Эй!

ЛУКА (*выглядывая изъ двери*).

Это я?

ПЕПЕЛЪ.

Ты. Не пой.

ЛУКА (*выходитъ*).

Не любишь?

ПЕПЕЛЪ.

Когда хорошо поютъ, люблю...

ЛУКА.

А я, значитъ, не хорошо?

ПЕПЕЛЪ.

Стало быть...

ЛУКА.

Ишь ты! А я думалъ, хорошо пою. Вотъ всегда такъ выходитъ: человѣкъ-то думаетъ про себя—хорошо я дѣлаю! Хвать, а люди не довольны...

ПЕПЕЛЪ (*смѣясь*).

Вотъ! Вѣрно...

БУБНОВЪ.

Говоришь, скушно, а самъ хохочешь.

ПЕПЕЛЪ.

А тебѣ что? Воронъ...

ЛУКА.

Это кому—скушно?

ПЕПЕЛЪ.

Мнѣ, вотъ... (*Баронъ входитъ*).

ЛУКА.

Ишь ты! А тамъ, въ кухнѣ, дѣвица сидитъ, книгу читаетъ и плачетъ! Право! Слезы текутъ... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она—жалко! Кого, говорю, жалко? А вотъ, говоритъ, въ книжкѣ... Вотъ чѣмъ человѣкъ занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

БАРОНЪ.

Это—дура...

ПЕПЕЛЪ.

Баронъ! Чай пилъ?

БАРОНЪ.

Пилъ... дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Хочешь—полбутылки поставлю?

БАРОНЪ.

Разумѣется... дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Становись на четвереньки, лай собакой!

БАРОНЪ.

Дуракъ! Ты что—купецъ? Или—пьянъ?

ПЕПЕЛЪ.

Ну, полай! Мнѣ забавно будетъ... Ты баринъ... было у тебя время, когда ты нашего брата за человѣка не считалъ... и все такое...

БАРОНЪ.

Ну, дальше!

ПЕПЕЛЪ.

Чего-же? А теперь вотъ я тебя заставлю лаять собакой, ты и будешь... вѣдь будешь?

БАРОНЪ.

Ну, буду! Болванъ! Какое тебѣ отъ этого можетъ быть удовольствіе, если я самъ знаю, что сталъ чуть-ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлялъ на четверенькахъ ходить, когда я былъ не ровня тебѣ...

БУБНОВЪ.

Вѣрно!

ЛУКА.

И я скажу—хорошо!..

БУБНОВЪ.

Что было — было, а остались — одни пустяки... Здѣсь господъ нѣту... все слиняло, одинъ голый человѣкъ остался...

ЛУКА.

Всѣ, значитъ, равны... А ты, милый, барономъ былъ?

БАРОНЪ.

Это что еще? Ты кто, кикимора?

ЛУКА (*смѣется*).

Графа видалъ я и князя видалъ... а барона — первый разъ встрѣчаю, да и то испорченнаго...

ПЕПЕЛЪ (*хохочетъ*).

Баронъ! А ты меня сконфузилъ...

БАРОНЪ.

Пора быть умнѣе, Василій...

ЛУКА.

Эхе-хе! Погляжу я на васъ, братцы, — житье ваше — о-ой!..

БУБНОВЪ.

Такое житье, что какъ поутру всталъ, такъ и за вытье...

БАРОНЪ.

Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утромъ и лежа въ постели, кофе пью... кофе!—со сливками... да!

ЛУКА.

А все—люди! Какъ ни притворяйся, какъ ни вихляйся, а человѣкомъ родился, человѣкомъ и помрешь... И все, гляжу я, умнѣе люди становятся, все занятнѣе... и хоть живутъ все хуже, а хотятъ все лучше... упрямые!

БАРОНЪ.

Ты, старикъ, кто такой?.. Откуда ты явился?

ЛУКА.

Я-то?

БАРОНЪ.

Странникъ?

ЛУКА.

Всѣ мы на землѣ странники... Говорятъ, слыхалъ я, что и земля-то наша въ небѣ странница.

БАРОНЪ (*строго*).

Это такъ, ну, а—паспортъ имѣешь?

ЛУКА (*не сразу*).

А ты кто,—сыщикъ?

ПЕПЕЛЪ (*радостно*).

Ловко, старикъ! Что, Бароша, и тебѣ попало?

БУБНОВЪ.

Н-да, получилъ баринъ...

БАРОНЪ (*сконфуженный*).

Ну, чего тамъ? Я вѣдь... шучу, старикъ! У меня, братъ, у самого бумагъ нѣтъ...

БУБНОВЪ.

Врешь!

БАРОНЪ.

То есть... я имѣю бумаги... но — онѣ никуда не годятся...

ЛУКА.

Онѣ, бумажки-то, всѣ такія... всѣ никуда не годятся.

ПЕПЕЛЪ.

Баронъ! Идемъ въ трактиръ...

БАРОНЪ.

Готовъ! Ну, прощай, старикъ... шельма ты!

ЛУКА.

Всяко бываетъ, милый...

ПЕПЕЛЪ (*у двери въ сѣни*).

Ну, идемъ, что-ли! (*Уходитъ. Баронъ быстро идетъ за нимъ*).

ЛУКА.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ-то барономъ былъ?

БУБНОВЪ.

Кто его знаетъ? Баринъ, это вѣрно... Онъ и теперь: нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и покажетъ барина изъ себя. Не отвыкъ, видно, еще.

ЛУКА.

Оно, пожалуй, барство-то какъ оспа... и выздоровѣетъ человѣкъ, а знаки-то остаются...

БУБНОВЪ.

Онъ ничего, все-таки... Только такъ иногда брыкнется... вродѣ какъ на счетъ твоего паспорта...

АЛЕШКА

(*входитъ выпивши, съ гармоніей въ рукахъ. Свиститъ*).

Эй, жители!

БУБНОВЪ.

Чего орешь?

АЛЕШКА.

Извините... простите! Я человѣкъ вѣжливый...

БУБНОВЪ.

Опять загулялъ?

АЛЕШКА.

Сколько угодно! Сейчасъ изъ участка помощникъ пристава Мѣдякинъ выгналъ и говоритъ: чтобы, говоритъ, на улицѣ тобой и не пахло... ни-ни! Я—человѣкъ съ характеромъ... А хозяинъ на меня фыркаетъ... А что такое—хозяинъ? Ф-фе! Недоразумѣніе одно... Пьяница онъ, хозяинъ-то... А я такой человѣкъ, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и—шабашъ! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я—ничего не хочу. (*Настя выходитъ изъ кухни*). Давай мнѣ милліонъ—н-пехочу! И чтобы мной, хорошимъ человѣкомъ, командовалъ товарищъ мой... пьяница, не желаю! Не хочу!

(*Настя, стоя у двери, качаетъ головой, глядя на Алешку*).

ЛУКА (*добродушно*).

Эхъ, парень, запутался ты...

БУБНОВЪ.

Дурость человѣческая...

АЛЕШКА (*ложится на полъ*).

На, ѣшь меня! А я—ничего не хочу. Я—отчаянный человѣкъ! Объясните мнѣ, кого я хуже? Почему я хуже прочихъ? Вотъ! Мѣдякинъ говоритъ: на улицу не ходи, морду побью! А я—пойду... пойду лягу середь улицы—дави меня! Я—ничего не желаю!..

НАСТЯ.

Несчастный!.. молоденькій еще, а ужъ... такъ ломается...

АЛЕШКА

(*увидавъ ее встаетъ на колѣни*).

Барышня! Мамзель! Парле франсе... прейсъ-курантъ! Загулялъ я...

НАСТЯ (*громко шепчетъ*).

Василиса!

ВАСИЛИСА

(*быстро отворяя дверь, Алешкѣ*).

Ты опять здѣсь?

АЛЕШКА.

Здравствуйте... пожалуйте...

ВАСИЛИСА.

Я тебѣ, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здѣсь... а ты опять пришелъ?

АЛЕШКА.

Василиса Карповна... хошь я тебѣ... похоронный маршъ сыграю?

ВАСИЛИСА (*толкаетъ его въ плечо*).

Вонъ!

АЛЕШКА (*подвигаясь къ двери*).

Постой... такъ нельзя! Похоронный маршъ... недавно выучилъ! Свѣжая музыка... погоди! такъ нельзя!

ВАСИЛИСА.

Я тебѣ покажу—нельзя... я всю улицу натравлю на тебя... язычникъ ты проклятый... молодъ ты лаять про меня...

АЛЕШКА (*выбѣгая*).

Ну, я уйду...

ВАСИЛИСА (*Бубнову*).

Чтобы ноги его здѣсь не было! Слышишь?

БУБНОВЪ.

Я тутъ не сторожъ тебѣ...

ВАСИЛИСА.

А мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты таковъ! Изъ милости живешь, не забудь! Сколько долженъ мнѣ?

БУБНОВЪ (*спокойно*).

Не считалъ...

ВАСИЛИСА.

Смотри, я посчитаю!

АЛЕШКА

(*отворивъ дверь кричитъ*).

Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! (*Прячется*).

(*Лука смѣется*).

ВАСИЛИСА.

Ты кто такой?..

ЛУКА.

Проходящій... странствующій...

ВАСИЛИСА.

Ночуешь или жить?

ЛУКА.

Погляжу тамъ...

ВАСИЛИСА.

Пачпортъ!

ЛУКА.

Можно...

ВАСИЛИСА.

Давай!

ЛУКА.

Я тебѣ принесу... на квартиру тебѣ приволоку его...

ВАСИЛИСА.

Прохожій... тоже! Говорилъ-бы, проходимецъ... все ближе къ правдѣ-то...

ЛУКА (*вздохнувъ*).

Ахъ, и. не ласкова ты, мать...

(*Василиса идетъ къ двери въ комнату Пепла. Алешка, выглядывая изъ кухни, шепчетъ*: «Ушла? а?»).

ВАСИЛИСА

(*оборачивается къ нему*).

Ты еще здѣсь?

(*Алешка скрываясь свиститъ. Настя и Лука смѣются*).

БУБНОВЪ (*Василисѣ*).

Нѣтъ его...

ВАСИЛИСА.

Кого?

БУБНОВЪ.

Васьки...

ВАСИЛИСА.

Я тебя спрашивала про него?

БУБНОВЪ.

Вижу я... заглядываешь ты вездѣ...

ВАСИЛИСА.

Я за порядкомъ гляжу, понялъ? Это почему у васъ до сей поры не метено? Я сколько разъ приказывала, чтобы чисто было?

БУБНОВЪ.

Актеру мести...

ВАСИЛИСА.

Мнѣ дѣла нѣтъ, кому! А вотъ если санитары придутъ да штрафъ наложатъ, я тогда... всѣхъ васъ—вонъ!

БУБНОВЪ (*спокойно*).

А чѣмъ жить будешь?

ВАСИЛИСА.

Чтобы соринки не было! (*Идетъ въ кухню. Настѣ*). Ты чего тутъ торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнемъ? Мети полъ! Наталью... видѣла? Была она тутъ?

НАСТЯ.

Не знаю... не видѣла...

ВАСИЛИСА.

Бубновъ! Сестра была здѣсь?

БУБНОВЪ.

А... вотъ его привела она...

ВАСИЛИСА.

Этотъ... дома былъ?

БУБНОВЪ.

Василій? Былъ... Съ Клещомъ она тутъ говорила, Наталья-то...

ВАСИЛИСА.

Я тебя не спрашиваю, съ кѣмъ! Грязь вездѣ... грязища! Эхъ, вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! (*Быстро уходитъ*).

БУБНОВЪ.

Сколько въ ней звѣрства, въ бабѣ этой!

ЛУКА.

Сурьезная бабочка...

НАСТЯ.

Озвѣрѣешь въ такой жизни... Привяжи всякаго живого человѣка къ такому мужу, какъ ея...

БУБНОВЪ.

Ну, она не очень крѣпко привязана...

ЛУКА.

Всегда она такъ... разрывается?

БУБНОВЪ.

Всегда... Къ любовнику, видишь, пришла, а его нѣтъ...

ЛУКА.

Обидно, значитъ, стало. Охо-хо! Сколько это разнаго народа на землѣ распоряжается... и всякими страхами другъ дружку стращаетъ, а все порядка нѣтъ въ жизни... и чистоты нѣтъ...

БУБНОВЪ.

Всѣ хотятъ порядка, да разума не хватка. Однако-же надо подмести... Настя!... ты-бы занялась...

НАСТЯ.

Ну да, какъ-же! Горничная я вамъ тутъ... (*Помолчавъ*). Напьюсь вотъ я сегодня... такъ напьюсь!

БУБНОВЪ.

И то—дѣло...

ЛУКА.

Съ чего-же это ты, дѣвица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вотъ говоришь, напьюсь!

НАСТЯ (*вызывающе*).

А напьюсь, опять плакать буду... вотъ и все!

БУБНОВЪ.

Не много...

ЛУКА.

Да отъ какой причины, скажи? Вѣдь такъ, безъ причины, и прыщъ не вскочитъ...

(*Настя молчитъ, качая головой*).

ЛУКА.

Такъ... Эхе-хе... господа люди! И что съ вами будетъ?.. Ну-ка хоть я помету здѣсь. Гдѣ у васъ метла?

БУБНОВЪ.

За дверью, въ сѣняхъ...

(*Лука идетъ въ сѣни*).

БУБНОВЪ.

Настенька!

НАСТЯ.

А?

БУБНОВЪ.

Чего Василиса на Алешку бросилась?

НАСТЯ.

Онъ про нее говорилъ, что надоѣла она Васькѣ и что Васька бросить ее хочетъ... а Наташу взять себѣ... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

БУБНОВЪ.

Чего? Куда?

НАСТЯ.

Надоѣло мнѣ... Лишняя я здѣсь...

БУБНОВЪ (*спокойно*).

Ты вездѣ лишняя... да и всѣ люди на землѣ—лишніе...

(*Настя качаетъ головой. Встаетъ, тихо уходитъ въ сѣни. Медвѣдевъ входитъ. За нимъ Лука съ метлой*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Какъ будто я тебя не знаю...

ЛУКА.

А остальныхъ людей—всѣхъ знаешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Въ своемъ участкѣ я долженъ всѣхъ знать... а тебя вотъ—не знаю...

ЛУКА.

Это оттого, дядя, что земля-то не вся въ твоемъ участкѣ помѣстилась... осталось маленько и опричь его...

(*Уходитъ въ кухню*).

МЕДВѢДЕВЪ (*подходя къ Бубнову*).

Правильно, участокъ у меня не великъ... хоть хуже всякаго большого... Сейчасъ, передъ тѣмъ, какъ съ дежурства смѣниться, сапожника Алешку въ часть отвезъ... Легъ, понимаешь, среди улицы, играетъ на гармоніи и ореть: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тутъ ѣздятъ и вообще—движеніе... могутъ раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчасъ я его и... представилъ. Очень любитъ безпорядокъ...

БУБНОВЪ.

Вечеромъ въ шашки играть придешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Приду. М-да... А что... Васька?

БУБНОВЪ.

Ничего... все такъ-же...

МЕДВѢДЕВЪ.

Значитъ... живетъ?

БУБНОВЪ.

Что ему не жить? Ему можно жить...

МЕДВѢДЕВЪ (*сомнѣваясь*).

Можно? (*Лука выходитъ въ сѣни съ ведромъ въ рукѣ*). М-да... тутъ—разговоръ идетъ... насчетъ Васьки... ты не слыхалъ?

БУБНОВЪ.

Я разные разговоры слышу...

МЕДВѢДЕВЪ.

На счетъ Василисы, будто... не замѣчалъ?

БУБНОВЪ.

Чего?

МЕДВѢДЕВЪ.

Такъ... вообще... Ты, можетъ, знаешь, да врешь? Вѣдь всѣ знаютъ... (*Строго*). Врать нельзя, братъ...

БУБНОВЪ.

Зачѣмъ мнѣ врать!

МЕДВѢДЕВЪ.

То-то!... Ахъ, псы! Разговариваютъ: Васька съ Василисой... дескать... а мнѣ что? Я ей не отецъ, я—дядя... Зачѣмъ надо мной смѣяться... (*Входитъ Квашня*). Какой народъ сталъ... надо всѣмъ смѣется... А-а! Ты... пришла...

КВАШНЯ.

Разлюбезный мой гарнизонъ! Бубновъ! Онъ опять на базарѣ приставалъ ко мнѣ, чтобы вѣнчаться...

БУБНОВЪ.

Валяй... чего-же? У него деньги есть и кавалеръ онъ еще крѣпкій...

МЕДВѢДЕВЪ.

Я-то? Хо-хо!

КВАШНЯ.

Ахъ ты, сѣрый! Нѣтъ, ты меня за это мое, за больное мѣсто не тронь! Это, миленькій, со мной было... замужъ бабѣ выйти—все равно, какъ зимой въ прорубь прыгнуть: одинъ разъ сдѣлала,—на всю жизнь памятно...

МЕДВѢДЕВЪ.

Ты—погоди... мужья—они разные бываютъ.

КВАШНЯ.

Да я-то все одинакова! Какъ вздохъ мой милый муженекъ,—ни дна бы ему ни покрышки,—такъ я цѣлый день отъ радости одна проспдѣла: сижу и все не вѣрю счастью своему..

МЕДВѢДЕВЪ.

Ежели тебя мужъ билъ... зря, надо было въ полицію жаловаться...

КВАШНЯ.

Я Богу жаловалась восемь лѣтъ,—не помогалъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Теперь запрещено женъ бить... теперь во всемъ—строгость и законъ—порядокъ! Никого нельзя зря бить... бьютъ—для порядку...

ЛУКА (*вводитъ Анну*).

Ну, вотъ и доползли... эхъ ты! И развѣ можно въ такомъ слабомъ составѣ одной ходить? Гдѣ твое мѣсто?

АННА (*указывая*).

Спасибо, дѣдушка...

КВАШНЯ.

Вотъ она—замужняя... глядите!

ЛУКА.

Бабочка совсѣмъ слабаго состава... Идетъ по сѣнямъ, цѣпляется за стѣнки и—стонаетъ... Пошто вы ее одну пущаете?

КВАШНЯ.

Не доглядѣли, простите, батюшка! А горничная сйная, видно, гулять ушла...

ЛУКА.

Ты вотъ—смѣешься... а развѣ можно человѣка эдакъ бросать? Онъ—каковъ ни есть—а всегда своей цѣны стоитъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Надзоръ нуженъ! Вдругъ—умретъ? Канитель будетъ изъ этого... Слѣдить надо!

ЛУКА.

Вѣрно, господинъ ундеръ...

МЕДВѢДЕВЪ.

М-да... хоть я... еще не совсѣмъ ундеръ...

ЛУКА.

Н-ну? А видимость—самая геройская!

(*Въ сѣняхъ шумъ и топотъ. Доносятся глухіе крики*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Никакъ—скандалъ?

БУБНОВЪ.

Похоже...

КВАШНЯ.

Пойти, поглядѣть...

МЕДВѢДЕВЪ.

И мнѣ надо идти... Эхъ, служба! И зачѣмъ разнимаютъ людей, когда они дерутся? Они и сами перестали-бы... вѣдь устаешь драться... Давать-бы имъ бить другъ друга свободно, сколько каждому влѣзетъ... стали-бы меньше драться, потому побой-то помнили-бы дольше...

БУБНОВЪ (*слѣзая съ нары*).

Ты начальству поговори на счетъ этого...

КОСТЫЛЕВЪ

(*распахивая дверь, кричитъ*).

Абрамъ! Иди... Василиса Наташку... убиваетъ... иди!

(*Квашня, Медвѣдевъ, Бубновъ бросаются въ сѣни. Лука, качая головой, смотритъ вслѣдъ имъ*).

АННА.

О, Господи... Наташѣнька бѣдная!

ЛУКА.

Кто дерется тамъ?

АННА.

Хозяйки... сестры...

ЛУКА (*подходя къ Аннѣ*).

Чего дѣлятъ?

АННА.

Такъ онѣ... сытыя обѣ... здоровыя...

ЛУКА.

Тебя какъ звать-то?

АННА.

Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похожъ моего... на батюшку... такой-же ласковый... мягкій...

ЛУКА.

Мяли много, оттого и мягокъ...

(*Смѣется дребезжащимъ смѣхомъ*).

Занавѣсъ.

На днѣ.

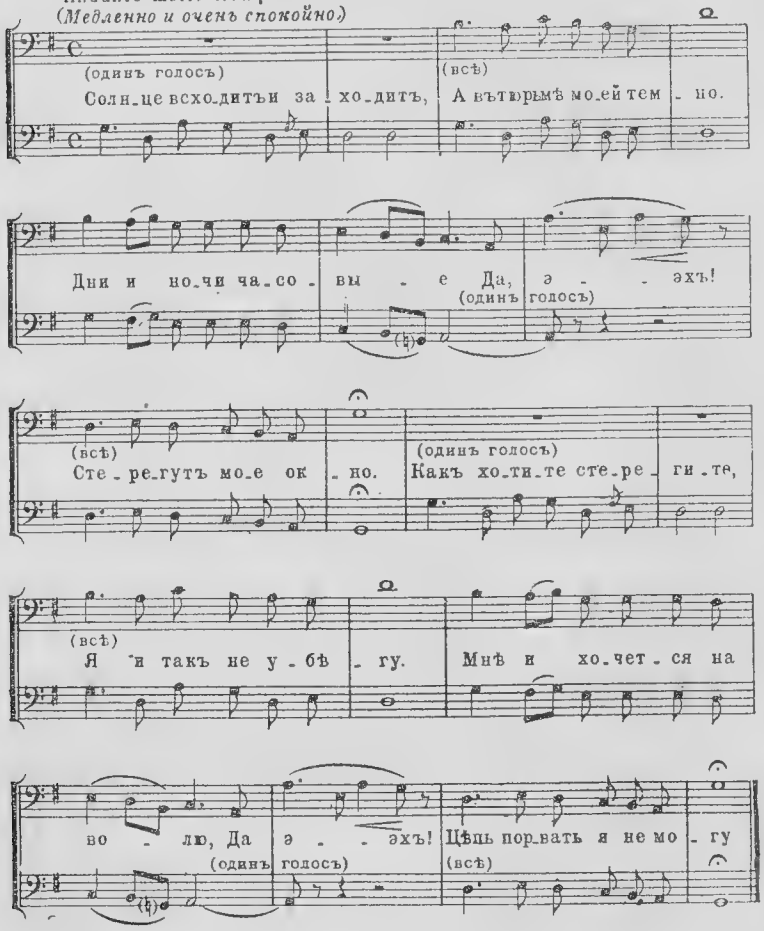
АКТЪ ВТОРОЙ.

На днѣ.

Та же обстановка. Вечеръ. На нарахъ около печи Сатинъ, Баронъ, Кривой Зобъ и Татаринъ играютъ въ карты. Клещъ и Актеръ наблюдаютъ за игрой. Бубновъ на своихъ нарахъ играетъ въ шашки съ Медвѣдевымъ. Лука сидитъ на табуретѣ у постели Анны. Ночлежка освѣщена двумя лампами: одна виситъ на стѣнѣ около играющихъ въ карты, другая на нарахъ Бубнова.

Andante molto tranquillo.

(Медленно и очень спокойно)



ТАТАРИНЪ.

Еще разъ играю,—больше не играю...

БУБНОВЪ.

Зобъ! Пой! *(Запѣваетъ).*

Солнце всходитъ и заходитъ...

КРИВОЙ ЗОБЪ

(подхватываетъ голосъ).

А въ тюрьмѣ моей темно...

ТАТАРИНЪ *(Сатину).*

Мѣшай карта! Хорошо мѣшай! Знаемъ мы, какой-такой ты...

БУБНОВЪ И КРИВОЙ ЗОБЪ *(вмѣстѣ).*

Дни и ночи часовые—э-эхъ!
Стерегутъ мое окно...

АННА

Побои... обиды... ничего кромѣ—не видѣла я... ничего не видѣла!

ЛУКА.

Эхъ, бабочка! Не тоскуй!

МЕДВѢДЕВЪ.

Куда ходишь? Гляди!..

БУБНОВЪ.

А-а! Такъ, такъ, такъ...

ТАТАРИНЪ

(*грозя Сатину кулакомъ*).

Зачѣмъ карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Брось, Асанъ! Все равно они насъ объегорятъ... Бубновъ, заводи!

АННА.

Не помню, когда я сыта была... Надъ каждымъ кускомъ хлѣба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... какъ бы больше другого не съѣсть... Всю жизнь въ отрепьяхъ ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?

ЛУКА.

Эхъ ты, дѣтынька! Устала? Ничего!

АКТЕРЪ (*Кривому Зобу*).

Валетомъ ходи... валетомъ, чортъ!

БАРОНЪ.

А у насъ—король.

КЛЕЩЪ.

Они всегда побьютъ.

САТИНЪ.

Такая у насъ привычка...

МЕДВѢДЕВЪ.

Дамка!

БУБНОВЪ.

И у меня... н-ну...

АННА.

Помираю вотъ...

КЛЕЩЪ.

Ишь, ишь какъ! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

АКТЕРЪ.

Онъ безъ тебя не понимаетъ?

БАРОНЪ.

Гляди, Андрюшка, какъ бы я тебя не швырнулъ ко всѣмъ чертямъ!

ТАТАРИНЪ.

Сдавай еще разъ! Кувшинъ ходилъ за водой, разбивалъ себя... и я тоже!

КЛЕЩЪ

(*качая головой отходитъ къ Бубнову*).

АННА.

Все думаю я: Господи! Неужто и на томъ свѣтѣ мука мнѣ назначена? Неужто и тамъ?

ЛУКА.

Ничего не будетъ! Лежи, знай! Ничего! Отдохнешь тамъ!.. Потерпи еще. Всѣ, милыя, терпятъ... всякъ по своему жизнь терпитъ. (*Встаетъ и уходитъ въ кухню быстрыми шагами*).

БУБНОВЪ (*запѣваетъ*).

Какъ хотите стерегите...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Я и такъ не убѣгу...

(*Въ два голоса*).

Мнѣ и хочется на волю... эхъ!
Цѣпь порвать я не могу.

ТАТАРИНЪ (*кричитъ*).

А! Карта рукавъ совалъ.

БАРОНЪ (*конфузясь*).

Ну... что-же мнѣ въ носъ твой сунуть?

АКТЕРЪ (*убѣдительно*).

Князь! Ты ошибся... никто, никогда...

ТАТАРИНЪ.

Я видѣлъ! Жуликъ! Не буду играть!

САТИНЪ (*собирая карты*).

Ты, Асанъ, отвяжись... Что мы жулики, тебѣ извѣстно. Стало быть, зачѣмъ игралъ?

БАРОНЪ.

Проигралъ два двугривенныхъ, а шумъ дѣлаешь на трешницу... еще князь!

ТАТАРИНЪ (*горячо*).

Надо играть честна!

САТИНЪ.

Это зачѣмъ же?

ТАТАРИНЪ.

Какъ зачѣмъ?

САТИНЪ.

А такъ... Зачѣмъ?

ТАТАРИНЪ.

Ты не знаешь?

САТИНЪ.

Не знаю. А ты знаешь?

(*Татаринъ плюетъ, озлобленный. Всѣ хохочутъ надъ нимъ*).

КРИВОЙ ЗОБЪ (*благодушно*).

Чудакъ ты, Асанъ! Ты—поймп! Коли имъ честно жить начать, онп въ трп дня съ голоду издохнутъ...

ТАТАРИНЪ.

А мнѣ какое дѣло! Надо честно жить!

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Заладилъ! Идемъ чай пить лучше... Бубенъ!
И—эхъ вы цѣпи, мои цѣпи...

БУБНОВЪ.

Да вы желѣзны сторожа...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Идемъ, Асанка! (*Уходитъ, напѣвая*).

Не порвать мнѣ, не разбить васъ...

(Татаринъ грозитъ Барону кулакомъ и выходитъ вслѣдъ за товарищемъ).

САТИНЪ *(Барону, смѣясь).*

Вы, ваше вашество, опять торжественно сѣли въ лужу! Образованный человѣкъ, а карту передернуть не можете...

БАРОНЪ *(разводя руками).*

Чортъ знаетъ, какъ она...

АКТЕРЪ.

Таланта нѣтъ... нѣтъ вѣры въ себя... а безъ этого... никогда, ничего.

МЕДВѢДЕВЪ.

У меня одна дамка... а у тебя двѣ... н-да!

БУБНОВЪ.

И одна—не бѣдна, коли умна... ходи.

КЛЕЩЪ.

Проиграли вы, Абрамъ Иванычъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Это не твое дѣло... понялъ? И молчи...

САТИНЪ.

Выигрышъ—пятьдесятъ три копѣйки.

АКТЕРЪ.

Три копѣйки мнѣ... А, впрочемъ, зачѣмъ мнѣ нужно три копѣйки?

ЛУКА *(выходя изъ кухни).*

Ну, обыграли татарина. Водочку пить пойдете?

БАРОНЪ.

Идемъ съ нами!

САТИНЪ.

Посмотрѣть бы, каковъ ты есть пьяный?

ЛУКА.

Не лучше трезваго-то...

АКТЕРЪ.

Идемъ, старикъ... я тебѣ продекламирую куплеты...

ЛУКА.

Чего это?

АКТЕРЪ.

Стихи,—понимаешь?

ЛУКА.

Стихи-и! А на что они мнѣ, стихи-то!

АКТЕРЪ.

Это—смѣшно... А иногда грустно...

САТИНЪ.

Ну, куплетистъ, идешь? *(Уходитъ съ Барономъ).*

АКТЕРЪ.

Иду... я догоню! Вотъ, напримѣръ, старикъ, изъ одного стихотворенія... начало я забылъ... забылъ! *(Потираетъ лобъ).*

БУБНОВЪ.

Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

МЕДВѢДЕВЪ.

Не туда я пошелъ... подстрѣли ее?

АКТЕРЪ.

Раньше, когда мой организмъ не былъ отравленъ алкоголемъ, у меня, старикъ, была хорошая память... А теперь вотъ... кончено, братъ! Все кончено для меня. Я всегда читалъ это стихотвореніе съ большимъ успѣхомъ.. громъ апплодисментовъ! Ты... не знаешь, что такое апплодисменты... это, братъ, какъ... водка!.. Бывало выйду, встану вотъ такъ... *(Становится въ позу).* Встану... и... *(молчитъ).* Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотвореніе... плохо это, старикъ?

ЛУКА.

Да ужъ чего хорошаго, коли любимое забылъ? Въ любимомъ вся душа.

АКТЕРЪ.

Пропилъ я душу, старикъ... я, братъ, погибъ... А почему погибъ? Вѣры у меня не было... Конченъ я...

ЛУКА.

Ну, чего? Ты... лечись! Отъ пьянства нынче лечатъ, слышь! Безплатно, братокъ, лечатъ... такая ужъ лечебница устроена для пьяницъ... чтобы, значитъ, даромъ ихъ лечить... Признали, видишь, что пьяница—тоже человѣкъ и даже рады, когда онъ лечиться желаетъ! Ну-ка, вотъ, валяй! Иди...

АКТЕРЪ *(задумчиво).*

Куда? Гдѣ это?

ЛУКА.

А это... въ одномъ городѣ... какъ его! Названіе у него эдакое... Да я тебѣ городъ назову!.. Ты только вотъ чего: ты пока готовься. Воздержись!.. возьми себя въ руки — и терпи... А потомъ—вылечишься... и начнешь жить снова... хорошо, братъ, снова-то? Ну, рѣшай... въ два пріема.

АКТЕРЪ (*улыбаясь*).

Снова!.. сначала... Это хорошо... Н-да... Снова. (*Смѣется*). Ну... да! Я могу!? Вѣдь могу, а?

ЛУКА.

А чего? Человѣкъ—все можетъ... лишь бы захотѣлъ...

АКТЕРЪ

(*вдругъ какъ бы проснувшись*).

Ты чудакъ! Прощай пока! (*Свиститъ*). Старичокъ... прощай. (*Уходитъ*).

АННА.

Дѣдушка!

ЛУКА.

Что, матушка?

АННА.

Поговори со мной...

ЛУКА (*подходя къ ней*).

Давай, побесѣдуемъ...

(*Клещъ оглядывается, молча подходитъ къ женѣ, смотритъ на нее и дѣлаетъ какіе-то жесты руками, какъ бы желая что-то сказать*).

ЛУКА.

Что, братокъ?

КЛЕЩЪ (*не громко*).

Ничего...

(*Медленно идетъ къ двери въ сѣни, нѣсколько секундъ стоитъ предъ ней и—уходитъ*).

ЛУКА (*проводивъ его взглядомъ*).

Тяжело мужику-то твоему.

АННА.

Мнѣ ужъ не до него.

ЛУКА.

Билъ онъ тебя?

АННА.

Еще бы... Отъ него, чай, и зачахла...

БУБНОВЪ.

У жены моей... любовникъ былъ; ловко, бывало, въ шашки игралъ, шельма...

МЕДВѢДЕВЪ.

Мм-м...

АННА.

Дѣдушка! Говори со мной, милый... Тошно мнѣ...

ЛУКА.

Это ничего! Это передъ смертью, голубка. Ничего, милая! Ты надѣйся... Вотъ, значитъ, помрешь и будетъ тебѣ спокойно... ничего больше не надо будетъ и бояться—нечего! Тишина, спокой... лежи себѣ! Смертъ—она все успокаиваетъ... она для насъ ласковая... Помрешь—отдохнешь, говорится... вѣрно это, милая! Потому—гдѣ здѣсь отдохнуть человѣку?

(*Пепелъ входитъ. Онъ немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарахъ и сидитъ молча, неподвижно*).

АННА.

А какъ тамъ—тоже мука?

ЛУКА.

Ничего не будетъ! Ничего! Ты—вѣрь! Спокой и—больше ничего! Призовутъ тебя къ Господу и скажутъ: Господи, погляди-ка, вотъ пришла раба Твоя, Анна...

МЕДВѢДЕВЪ (*строго*).

А ты почему знаешь, что тамъ скажутъ? Эй, ты...

(*Пепелъ при звукѣ голоса Медвѣдева поднимаетъ голову и прислушивается*).

ЛУКА.

Стало быть, знаю, господинъ унтеръ...

МЕДВѢДЕВЪ (*примирительно*).

М...да! Ну... твое дѣло... Хоша... я еще не совсѣмъ... унтеръ...

БУБНОВЪ.

Двухъ беру...

МЕДВѢДЕВЪ.

Ахъ ты... чтобъ тебѣ...

ЛУКА.

А Господь—взглянетъ на тебя кротко-ласково и скажетъ: знаю Я Анну эту! Ну, скажетъ, отведите ее, Анну, въ рай! Пусть успокоится... знаю Я, жила она—очень трудно... очень устала... Дайте покой Аннѣ...

АННА (*задыхаясь*).

Дѣдушка... милый ты... кабы такъ! Кабы... покой-бы... не чувствовать-бы ничего...

ЛУКА.

Не будешь! Ничего не будетъ! Ты—вѣрь! Ты—съ радостью помирай, безъ тревоги... Смерть, я-те говорю, она намъ—какъ мать малымъ дѣтямъ...

АННА.

А... можетъ... можетъ, выздоровлю я?

ЛУКА (*усмѣхаясь*).

На што? На муку опять?

АННА.

Ну... еще немножко... пожить-бы... немножко! Коли тамъ муки не будетъ... здѣсь можно потерпѣть... можно!

ЛУКА.

Ничего тамъ не будетъ!.. Просто...

ПЕПЕЛЪ (*вставая*).

Вѣрно... а можетъ, и—не вѣрно!

АННА (*пугливо*).

Господи...

ЛУКА.

А, красавецъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Кто оретъ?

ПЕПЕЛЪ (*подходя къ нему*).

Я! А что?

МЕДВѢДЕВЪ.

Зря орешь, вотъ что! Человѣкъ долженъ вести себя смирно...

ПЕПЕЛЪ.

Э... дубина! А еще—дядя... х-хо!

ЛУКА (*Пеплу негромко*).

Слышь, не кричи! Тутъ—женщина помираетъ... ужъ губы у нея землей обметало... не мѣшай!

ПЕПЕЛЪ.

Тебѣ, дѣдъ, изволь, — уважу! Ты, братъ, молодецъ! Врешь ты хорошо... сказки говоришь пріятно! Ври, ничего... мало, братъ, пріятнаго на свѣтѣ!

БУБНОВЪ.

Въ правду—помираетъ баба-то?

ЛУКА.

Кажись, не шутитъ...

БУБНОВЪ.

Кашлять, значитъ, перестанетъ... Капляла она очень безпокойно... Двухъ беру!

МЕДВѢДЕВЪ.

Ахъ, пострѣли тебя въ сердце!

ПЕПЕЛЪ.

Абрамъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Я тебѣ—не Абрамъ...

ПЕПЕЛЪ.

Абрашка! Наташа—хвораетъ?

МЕДВѢДЕВЪ.

А тебѣ какое дѣло?

ПЕПЕЛЪ.

Нѣтъ, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

МЕДВѢДЕВЪ.

И это дѣло не твое! Это—семейное дѣло... А ты—кто таковъ?

ПЕПЕЛЪ.

Кто-бы я ни былъ, а... захочу, и не видать вамъ больше Наташки!

МЕДВѢДЕВЪ (*бросая игру*).

Ты—что говоришь? Ты—про кого это? Племянница моя чтобы... ахъ, воръ!

ПЕПЕЛЪ.

Воръ, а тобой не пойманъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Погоди! Я—поймаю... я—скоро...

ПЕПЕЛЪ.

А поймаешь,—на горе всему вашему гнѣзду. Ты думаешь, я молчать буду передъ слѣдователемъ? Жди отъ волка толка! Спросятъ: кто меня на воровство подбилъ и мѣсто указалъ? Мишка Костылевъ съ женой. Кто краденое принялъ? Мишка Костылевъ съ женой!

МЕДВѢДЕВЪ.

Врешь! Не повѣрятъ тебѣ!

ПЕПЕЛЪ.

Повѣрятъ, потому—правда! И тебя еще запутаю... ха! Погублю всѣхъ васъ, черти, увидишь!

МЕДВѢДЕВЪ (*теряясь*).

Врешь! И... врешь! И... что я тебѣ худого сдѣлалъ? Песъ ты бѣшеный...

НЕПЕЛЪ.

А что ты мнѣ хорошаго сдѣлалъ?

ЛУКА.

Та-акъ!

МЕДВѢДЕВЪ (*Луку*).

Ты... чего каркаешь? Твое тутъ—какое дѣло? Тутъ—семейное дѣло!

БУБНОВЪ (*Луку*).

Отстань! Не для насъ съ тобой петли вяжутъ.

ЛУКА (*смиренно*).

Я вѣдь — ничего! Я только говорю, что если кто кому хорошаго не сдѣлалъ, тотъ и худо поступилъ...

МЕДВѢДЕВЪ (*не понявъ*).

То-то! Мы тутъ... всѣ другъ друга знаемъ... а ты—кто такой? (*Сердито фыркая, быстро уходитъ*).

ЛУКА.

Разсердился кавалеръ... охо-хо, дѣла у васъ, братцы, смотрю я... путаныя дѣла!

НЕПЕЛЪ.

Васпилсѣ жаловаться побѣжалъ...

БУБНОВЪ.

Дуришь ты, Василій. Чего-то храбрости у тебя много завелось... гляди, храбрость у мѣста, когда въ лѣсъ по грибы идешь... а здѣсь она—ни къ чему... Они тебѣ живо голову свернутъ...

ПЕПЕЛЪ.

Н-ну, нѣтъ! Насъ, ярославскихъ, голыми руками не сразу возьмешь... Ежели война, будемъ воевать...

ЛУКА.

А въ самомъ дѣлѣ, отойти-бы тебѣ, парень, прочь съ этого мѣста...

ПЕПЕЛЪ.

Куда! Ну-ка, выговори...

ЛУКА.

Иди... въ Сибирь!

ПЕПЕЛЪ.

Эге! Нѣтъ ужъ я погожу, когда пошлютъ меня въ Сибирь эту на казенный счетъ...

ЛУКА.

А ты слушай, иди-ка! Тамъ ты себѣ можешь путь найти... Тамъ такихъ—надобно!

ПЕПЕЛЪ.

Мой путь—обозначенъ мнѣ! Родитель всю жизнь въ тюрьмахъ сидѣлъ и мнѣ тоже заказалъ... Я когда маленькій былъ, такъ ужъ въ ту пору меня звали воръ, воровъ сынъ...

ЛУКА.

А хорошая сторона—Сибирь! Золотая сторона! Кто въ силѣ, да въ разумѣ, тому тамъ—какъ огурцу въ парникѣ

ПЕПЕЛЪ.

Старикъ! Зачѣмъ ты все врешь?

ЛУКА.

Ась?

ПЕПЕЛЪ.

Оглохъ! Зачѣмъ врешь, говорю?

ЛУКА.

Это въ чемъ же вру-то я?

ПЕПЕЛЪ.

Во всемъ... Тамъ у тебя хорошо, здѣсь хорошо... вѣдь—врешь! На што?

ЛУКА.

А ты мнѣ—повѣрь, да поди, самъ погляди... Спасибо скажешь... Чего ты тутъ трешься? И... чего тебѣ правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя...

ПЕПЕЛЪ.

А мнѣ все едино! Обухъ, такъ обухъ...

ЛУКА.

Да чудакъ! На что самому себя убивать?

БУБНОВЪ.

И чего вы оба мелете? Не пойму... Какой тебѣ, Васька, правды надо? И зачѣмъ? Знаешь ты правду про себя... да и всѣ ее знаютъ...

ПЕПЕЛЪ.

Погоди, не каркай! Пусть онъ мнѣ скажетъ... слушай, старикъ: Богъ есть?

(*Лука молчитъ, улыбаясь*).

БУБНОВЪ.

Люди всѣ живутъ... какъ щепки по рѣкѣ плывутъ... строютъ домъ... а щепки—прочь...

ПЕПЕЛЪ.

Ну? Есть? Говори...

ЛУКА (*не громко*).

Коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ... Во что вѣришь, то и есть...

(*Пепелъ молча, удивленно и упорно смотритъ на старика*).

БУБНОВЪ.

Пойду, чаю попью... идемте въ трактиръ? Эй!..

ЛУКА (*Пеплу*).

Чего глядишь?

ПЕПЕЛЪ

Такъ... погоди!.. Значитъ...

БУБНОВЪ.

Ну, я одинъ... (*Идетъ къ двери и встрѣчается съ Василисой*).

ПЕПЕЛЪ.

Стало быть... ты...

ВАСИЛИСА (*Бубнову*).

Настасья—дома?

БУБНОВЪ.

Нѣтъ... (*Уходитъ*).

ПЕПЕЛЪ.

А... пришла...

ВАСИЛИСА (*подходя къ Аннѣ*).

Жива еще?

ЛУКА.

Не тревожь...

ВАСИЛИСА.

А ты... чего тутъ торчишь?

ЛУКА.

Я могу уйти... коли надо...

ВАСИЛИСА

(*направляясь къ двери въ комнату Пепла*).

Василій! У меня къ тебѣ дѣло есть...

(*Лука подходитъ къ двери въ сѣни, отворяетъ ее и громко хлопаетъ ею. Затѣмъ—осторожно влѣзаетъ на нары и—на печь*).

ВАСИЛИСА (*изъ комнаты Пепла*).

Вася... поди сюда!

ПЕПЕЛЪ.

Не пойду... не хочу...

ВАСИЛИСА.

А... что-же. На что гнѣваешься?

ПЕПЕЛЪ.

Скушно мнѣ... надоѣла мнѣ вся эта канитель...

ВАСИЛИСА.

И я... надоѣла?

ПЕПЕЛЪ.

И ты...

(*Василиса крѣпко стягиваетъ платокъ на плечахъ, прижимая руки ко груди. Идетъ къ постели Анны, осторожно смотритъ за пологъ и возвращается къ Пеплу).*

ПЕПЕЛЪ.

Ну... говори...

ВАСИЛИСА.

Что-же говорить? Насильно милъ не будешь... и не въ моемъ это характерѣ милости просить... Спасибо тебѣ за правду...

ПЕПЕЛЪ.

Какую правду?

ВАСИЛИСА.

А что надоѣла я тебѣ... али это не правда?

(*Пепелъ молча смотритъ на нее*).

ВАСИЛИСА (*подвигаясь къ нему*).

Что глядишь? Не узнаешь?

ПЕПЕЛЪ (*вздыхая*).

Красивая ты, Васка... (*Женщина кладетъ ему руку на шею, но онъ встряхиваетъ руку ея движеніемъ плеча*)... а никогда не лежало у меня сердце къ тебѣ... И жилъ я съ тобой, и все... а никогда ты не нравилась мнѣ...

ВАСИЛИСА (*тихо*).

Та-акъ... Н-ну...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, не о чемъ намъ говорить! Не о чемъ... иди отъ меня...

ВАСИЛИСА.

Другая приглянулась?

ПЕПЕЛЪ.

Не твое дѣло.. И приглянулась, въ свахи тебя не позову...

ВАСИЛИСА (*значительно*).

А напрасно... Можетъ, я-бы и сосватала...

ПЕПЕЛЪ (*подозрительно*).

Кого это?

ВАСИЛИСА.

Ты знаешь... что притворяться? Василій... я—человѣкъ прямой... (*Тише*). Скрывать не буду... ты меня обидѣлъ... Ни за что, ни про что, какъ плетью, хлестнулъ... Говорилъ, любишь... и вдругъ...

ПЕПЕЛЪ.

Вовсе не вдругъ... я давно... души въ тебѣ нѣтъ, баба... Въ женщинѣ—душа должна быть... мы—звѣри... намъ надо... надо насъ—пріучать... а ты—къ чему меня пріучила?..

ВАСИЛИСА.

Что было, того нѣтъ... Я знаю, человѣкъ—самъ въ себѣ не воленъ... Не любишь больше... ладно! Такъ тому и быть...

ПЕПЕЛЪ.

Ну, значитъ, и—шабашъ! Разошлись смирно, безъ скандала... и хорошо!

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, погоди! Все-таки... когда я съ тобой жила... я все дожидалась, что ты мнѣ поможешь изъ омута этого выбраться... освободишь меня отъ мужа, отъ дяди... отъ всей этой жизни... И можетъ я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила въ тебѣ... Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня...

ПЕПЕЛЪ.

Ты—не гвоздь, я—не клещи... Я самъ думалъ, что ты, какъ умная... вѣдь ты умная... ты—ловкая!

ВАСИЛИСА

(*близко наклоняясь къ нему*).

Вася. Давай... поможемъ другъ другу...

ПЕПЕЛЪ.

Какъ это?

ВАСИЛИСА (*тихо, сильно*).

Сестра... тебѣ нравится, я знаю...

ПЕПЕЛЪ.

За то ты и бьешь ее звѣрски! Смотри, Васка! *Ее*—не тронь...

ВАСИЛИСА.

Погоди. Не горячись! Можно все сдѣлать тихо, по-хорошему... Хочешь—женись на ней? И я тебѣ еще денегъ дамъ... цѣлковыхъ триста! Больше соберу—больше дамъ...

ПЕПЕЛЪ (*отодвигаясь*).

Постой... какъ это? За что?

ВАСИЛИСА.

Освободи меня... отъ мужа! Сними съ меня петлю эту...

ПЕПЕЛЪ (*тихо свиститъ*).

Вонъ что-о! Ого-го! Это—ты ловко придумала... мужа, значитъ, въ гробъ, любовника—на каторгу, а сама...

ВАСИЛИСА.

Вася! Зачѣмъ—каторга? Ты—не самъ... черезъ товарищей! Да если и самъ, кто узнаетъ? Наталья!.. подумай. Деньги будутъ... уѣдешь куда-нибудь... меня на вѣкъ освободишь... и что сестры около меня не будетъ, это хорошо для нея. Видѣть мнѣ ее—трудно... злоблюсь я на нее за тебя... и сдержаться не могу... мучаю дѣвку, бью ее... такъ—бью... что сама плачу отъ жалости къ ней... А—бью. И—буду бить!

ПЕПЕЛЪ.

Звѣрь! Хвастается звѣрствомъ своимъ.

ВАСИЛИСА.

Не хвастаюсь, правду говорю. Подумай, Вася... Ты два раза изъ-за мужа моего въ тюрьмѣ сидѣлъ... изъ-за его жадности... Онъ въ меня, какъ клопъ впился... четыре года сосетъ! А какой онъ мнѣ мужъ? Наташку тѣснитъ, измывается надъ ней, нищая, говоритъ! И для всѣхъ онъ—ядъ...

ПЕПЕЛЪ.

Хитро ты плетешь...

ВАСИЛИСА.

Въ рѣчахъ моихъ—все ясно... Только глупый не пойметь, чего я хочу...

(Костылевъ осторожно входитъ и крадется впередъ).

ПЕПЕЛЪ *(Василисѣ).*

Ну... иди!

ВАСИЛИСА.

Подумай. *(Видитъ мужа).* Ты что? За мной?
(Пепелъ вскакиваетъ и дико смотритъ на Костылева).

КОСТЫЛЕВЪ.

Это я... я! А вы тутъ... одни? А-а... Вы — разговаривали? *(Вдругъ топаетъ ногами и громко визжитъ).* Васка... поганая. Нищая... шкура! *(Пугается своего крика, встрѣченнаго молчаніемъ и неподвижностью).* Прости, Господи... опять ты меня, Василиса, во грѣхъ ввела... Я тебя ищу вездѣ... *(Взвизгивая).* Спать пора! Масла въ лампады забыла налить.. у, ты! Нищая... свинья... *(Дрожащими руками машетъ на нее. Василиса медленно идетъ къ двери въ сѣни, оглядываясь на Пепла).*

ПЕПЕЛЪ *(Костылеву).*

Ты! Уйди... пошелъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*кричитъ*).

Я—хозяинъ! Самъ пошелъ, да! Воръ...

ПЕПЕЛЪ (*глухо*).

Уйди, Мишка...

КОСТЫЛЕВЪ.

Не смѣй! Я тутъ... я тебя...

(Пепелъ хватаетъ его за шиворотъ и встряхиваетъ. На печи раздается громкая возня и воющее позѣвыванье. Пепелъ выпускаетъ Костылева, старикъ съ крикомъ бѣжитъ въ сѣни).

ПЕПЕЛЪ *(вспрыгнувъ на нары).*

Кто это... кто на печи?

ЛУКА *(высовывая голову).*

Асъ?

ПЕПЕЛЪ.

Ты?!..

ЛУКА *(спокойно).*

Я... я самый... о, Господи Исусе Христе!

ПЕПЕЛЪ

(затворяетъ дверь въ сѣни, ищетъ запора и не находитъ).

А, черти... Старикъ, слѣзай!

ЛУКА.

Сейча-асъ... лѣзу...

ПЕПЕЛЪ *(грубо).*

Ты зачѣмъ на печь залѣзъ?

ЛУКА.

А куда надо было?

ПЕПЕЛЪ.

Вѣдь... ты въ сѣни ушелъ?

ЛУКА.

Въ сѣняхъ, браточекъ, мнѣ, старику, холодно...

ПЕПЕЛЪ.

Ты... слышалъ?

ЛУКА.

А—слышалъ! Какъ не слышать? Али я—глухой? Ахъ, парень, счастье тебѣ идетъ... Вотъ идетъ счастье!

ПЕПЕЛЪ *(подозрительно).*

Какое счастье? Въ чемъ?

ЛУКА.

А вотъ въ томъ, что я на печь залѣзъ.

ПЕПЕЛЪ.

А... зачѣмъ ты тамъ возиться началъ?

ЛУКА.

Затѣмъ, значитъ, что—жарко мнѣ стало... на твое сиротское счастье... И опять же, смекнулъ я, какъ-бы, молъ, парень-то не ошибся... не придушилъ бы старичка-то...

ПЕПЕЛЪ.

Да-а... я это могъ... ненавижу...

ЛУКА.

Что мудренаго? Ничего нѣтъ труднаго... Часто эдакъ-то ошибаются...

ПЕПЕЛЪ *(улыбаясь)*.

Ты—что? Самъ что-ли ошибся однажды?

ЛУКА.

Парень! Слушай-ка, что я тебѣ скажу: бабу эту—прочь надо! Ты ее—ни-ни! до себя не допускай... Мужа—она и сама со свѣта сживетъ, да еще половчѣе тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай... Гляди, какой я? Лысый... А отчего? Отъ этихъ вотъ самыхъ разныхъ бабъ... Я ихъ, бабъ-то, можетъ, больше зналъ, чѣмъ волосъ на головѣ было... А эта Василиса—она... хуже черепица!

ПЕПЕЛЪ.

Не понимаю я... спасибо тебѣ сказать, или ты.. тоже...

ЛУКА.

Ты—не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тутъ тебѣ нравится, бери ее подъ руку, да отсюда—шагомъ маршъ! Уходи!.. Прочь уходи...

ПЕПЕЛЪ *(угрюмо)*.

Не поймешь людей! Которые добрые, которые злые... Ничего не понятно...

ЛУКА.

Чего тамъ понимать? Всяко живетъ человѣкъ... какъ сердце налажено, такъ и живетъ... сегодня — добрый, завтра—злой... А коли дѣвка эта за душу тебя задѣла въ сурьезъ... уйди съ ней отсюда и кончено... А то — одинъ иди... Ты—молодой, успѣешь бабой обзавестись...

ПЕПЕЛЪ *(беретъ его за плечо)*.

Нѣтъ, ты скажи, зачѣмъ ты все это...

ЛУКА.

Погоди-ка, пусти... Погляжу я на Анну... чего-то она хрипѣла больно... (*Идетъ къ постели Анны, открываетъ пологъ, смотритъ, трогаетъ рукой. Пепелъ задумчиво и растерянно слѣдитъ за нимъ*). Исусе Христе, Многомилостивый! Духъ новопреставленной рабы Твоей Анны съ миромъ прими...

ПЕПЕЛЪ (*тихо*).

Умерла?... (*Не подходя, вытягивается и смотритъ на кровать*).

ЛУКА (*тихо*).

Отмаялась!.. А гдѣ мужикъ-то ея?

ПЕПЕЛЪ.

Въ трактирѣ, навѣрно...

ЛУКА.

Надо сказать...

ПЕПЕЛЪ (*вздрагивая*).

Не люблю покойниковъ...

ЛУКА (*идетъ къ двери*).

За что ихъ любить?.. Любить — живыхъ надо... живыхъ...

ПЕПЕЛЪ.

И я съ тобой...

ЛУКА.

Боишься?

ПЕПЕЛЪ.

Не люблю... *(Торопливо выходятъ. Пустота и тишина. За дверью въ сѣни слышенъ глухой шумъ, неровный, непонятный. Потомъ—входитъ Актеръ).*

АКТЕРЪ

(останавливается, не затворяя двери, на порогѣ, и придерживаясь руками за косяки, кричитъ).

Старикъ, эй! Ты гдѣ? Я — вспомнилъ... слушай. *(Шатаясь, дѣлаетъ два шага впередъ и, принимая позу, читаетъ):*

Господа! Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.

(Наташа является сзади Актера въ двери).

АКТЕРЪ.

Старикъ!..

Если-бъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра-жъ цѣлый-бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь...

НАТАША *(смѣется).*

Чучело! Нализался...

АКТЕРЪ *(оборачиваясь къ ней).*

А-а, это ты? А — гдѣ старичокъ... милый старикашка? Здѣсь, повидимому, никого нѣтъ... Наташа, прощай! Прощай... да!

НАТАША (*входя*).

Не здоровался, а прощаешься...

АКТЕРЪ (*загораживая ей дорогу*).

Я—уѣзжаю, ухожу... Настанетъ весна, и меня—больше нѣтъ...

НАТАША.

Пусти-ка... куда это ты?

АКТЕРЪ.

Искать городъ.. лечиться... Ты—тоже уходи... Офелія... иди въ монастырь... Понимаешь, есть лечебница для организмовъ... для пьяницъ... Превосходная лечебница... Мраморъ... мраморный полъ! Свѣтъ... чистота, пища... все—даромъ! И мраморный полъ, да! Я ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути къ возрожденью... какъ сказалъ... король... Лиръ, Наташа... по сценѣ мое имя Сверчковъ-Заволжскій... никто этого не знаетъ, никто! Нѣтъ у меня здѣсь имени... Понимаешь-ли ты, какъ это обидно—потерять имя? Даже собаки имѣютъ клички...

(*Наташа осторожно обходитъ Актера, останавливается у кровати Анны, смотритъ*).

АКТЕРЪ.

Безъ имени—нѣтъ человѣка...

НАТАША.

Гляди... голубчикъ... померла вѣдь...

АКТЕРЪ (*качая головой*).

Не можетъ быть...

НАТАША (*отступая*).

Ей-Богу... смотри...

БУБНОВЪ (*въ двери*).

Чего смотрѣть?

НАТАША.

Анна-то... померла!

БУБНОВЪ.

Кашлять перестала, значитъ. (*Идетъ къ постели Анны, смотритъ, идетъ на свое мѣсто*). Надо Клещу сказать... это—его дѣло...

АКТЕРЪ.

Я иду... скажу... потеряла имя!... (*Уходитъ*).

НАТАША (*позади комнаты*).

Вотъ и я... когда-нибудь такъ-же... въ подвалъ... забитая...

БУБНОВЪ

(*разстилая на своихъ нарахъ какое-то тряпье*).

Чего? Ты чего бормочешь?

НАТАША.

Такъ... про себя...

БУБНОВЪ.

Ваську ждешь? Гляди, сломитъ тебѣ голову Васька...

НАТАША.

А не все равно—кто сломитъ? Ужъ пускай лучше онъ...

БУБНОВЪ (*ложится*).

Ну, твое дѣло...

НАТАША.

Вѣдь вотъ... хорошо, что она умерла... а жалко... Господи!.. Зачѣмъ жилъ человѣкъ?

БУБНОВЪ.

Всѣ такъ: родятся, поживутъ, умираютъ. И я помру.. и ты... Чего жалѣть?

(*Входятъ: Лука, Татаринъ, Кривой Зобъ и Клещъ; Клещъ идетъ сзади всѣхъ, медленно, съежившись*).

НАТАША.

Ш-ш! Анна...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Слышали... царство небесное, коли померла...

ТАТАРИНЪ (*Клещу*).

Надо вонъ тащить! Сѣни надо тащить! Здѣсь—мертвый нельзя, здѣсь—живой спать будетъ...

КЛЕЩЪ (*не громко*).

Вытащимъ...

(*Всѣ подходятъ къ постели. Клещъ смотритъ на жену черезъ плечи другихъ*).

КРИВОЙ ЗОБЪ (*Татарину*).

Ты думаешь, духъ пойдетъ? Отъ нея духа не будетъ... она вся еще живая высохла...

НАТАША.

Господи! Хоть-бы пожалѣли... хоть бы кто слово сказалъ какое-нибудь! Эхъ вы...

ЛУКА.

Ты, дѣвушка, не обижайся... ничего! Гдѣ имъ... куда намъ—мертвыхъ жалѣть? Э, милая! Живыхъ—не жалѣемъ... сами себя пожалѣть-то не можемъ... гдѣ тутъ!

БУБНОВЪ (*зѣвая*).

И опять-же, смерть слова не боится... болѣзнь—боится слова, а смерть—нѣтъ!

ТАТАРИНЪ (*отходя*).

Полицію надо...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Полицію—это обязательно! Клещъ! Полиціи заявилъ?

КЛЕЩЪ.

Нѣтъ... Хоронить надо... а у меня сорокъ копѣекъ всего...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Ну, на такой случай—займи... а то мы соберемъ... кто пятакъ, кто—сколько можетъ... А полиціи заяви... скорѣе! А то она подумаетъ, убилъ ты бабу... или что...

(*Идетъ къ нарамъ и собирается лечь рядомъ съ Татариномъ*).

НАТАША

(*отходя къ нарамъ Бубнова*).

Вотъ... будетъ она мнѣ сниться теперь... мнѣ всегда покойники снятся... боюсь идти одна... въ сѣняхъ—темно...

ЛУКА (*слѣдуя за ней*).

Ты—живыхъ опасайся... вотъ что я скажу...

НАТАША.

Проводи меня, дѣдушка...

ЛУКА.

Идемъ... идемъ, провожу! (*Уходятъ. Пауза*).

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Охо-хо-о! Асанъ! Скоро весна, другъ... тепло намъ жить будетъ. Теперь ужъ въ деревняхъ мужики сохи, бороны чинятъ... пахать налаживаются... н-да! А мы?.. Асанъ?.. Дрыхнетъ ужъ, Магометъ окаянный...

БУБНОВЪ.

Татары спать любятъ...

КЛЕЩЪ

(*стоитъ посрединѣ ночлежки и тупо смотритъ предъ собой*).

Чего же мнѣ теперь дѣлать?

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Ложись, да спи... только и всего...

КЛЕЩЪ (*тихо*).

А... она... какъ-же? (*Никто не отвѣчаетъ ему. Сатинъ и Актеръ входятъ*).

АКТЕРЪ (*кричитъ*).

Старикъ! Сюда, мой вѣрный Кентъ...

САТИНЪ.

Миклуха-Маклай идетъ... х-хо!

АКТЕРЪ.

Кончено и рѣшено! Старикъ, гдѣ городъ... гдѣ ты?

САТИНЪ.

Фата-моргана! Навралъ тебѣ старикъ... Ничего нѣтъ! Нѣтъ городовъ, нѣтъ людей... ничего нѣтъ!

АКТЕРЪ.

Врешь!

ТАТАРИНЪ (*вскакивая*).

Гдѣ хозяинъ? Хозяину иду! Нельзя спать, нельзя деньги брать... Мертвые... пьяные... (*Быстро уходитъ. Сатинъ свиститъ вслѣдъ ему*).

БУБНОВЪ (*сонным голосомъ*).

Ложись, ребята, не шуми... ночью—спать надо!

АКТЕРЪ.

Да... здѣсь—ага! Мертвецъ... «Наши сѣти притащили мертвеца»... стихотвореніе... Б-беранжера!

САТИНЪ (*кричитъ*).

Мертвецы—не слышатъ! Мертвецы не чувствуютъ... Кричи... реви... мертвецы не слышатъ!..

(*Въ двери является Лука*).

Занавѣсъ.

На днѣ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

«Пустырь», засоренное разнымъ хламомъ и заросшее бурьяномъ дворовое мѣсто. Въ глубинѣ его—высокій кирпичный брандмауеръ. Онъ закрываетъ небо. Около него—кусты бузины. Направо—темная, бревенчатая стѣна какой-то надворной постройки, сарая или конюшни. А налѣво—сѣрая, покрытая остатками штукатурки стѣна того дома, въ которомъ помѣщается ночлежка Костылевыхъ. Она стоитъ наискось, такъ что ея задній уголъ выходитъ почти на средину пустыря. Между ею и красной стѣной—узкій проходъ. Въ сѣрой стѣнѣ два окна: одно—въ уровень съ землей, другое—аршина на два выше и ближе къ брандмауеру. У этой стѣны лежатъ розвальни кверху полозьями и обрубокъ бревна, длиною аршина въ четыре. Направо у стѣны—куча старыхъ досокъ, брусьевъ. Вечеръ, заходитъ солнце, освѣщая брандмауеръ красноватымъ свѣтомъ. Ранняя весна, недавно стаялъ снѣгъ. Черные сучья бузины еще безъ почекъ. На бревнѣ сидятъ рядомъ Наташа и Настя. На дровняхъ Лука и Баронъ. Клещъ лежитъ на кучѣ дерева у правой стѣны. Въ окнѣ у земли—рожа Бубнова.

НАСТЯ

(*закрывъ глаза и качая головой въ тактъ словамъ, нѣ-вуче разсказываетъ*).

Вотъ приходитъ онъ ночью въ садъ, въ бесѣдку, какъ мы уговорились... а ужъ я его давно жду и дрожу отъ страха и горя. Онъ тоже дрожитъ весь и—бѣлый, какъ мѣлъ, а въ рукахъ у него леворвертъ...

НАТАША (*грызетъ съмечки*).

Ишь! Видно, правду говорятъ, что студенты—отчаянные...

НАСТЯ.

И говоритъ онъ мнѣ страшнымъ голосомъ:—драгоцѣнная моя любовь...

БУБНОВЪ.

Хо-хо! Драгоцѣнная?

БАРОНЪ.

Погоди! Не любо—не слушай, а врать не мѣшай... Дальше!

НАСТЯ.

Ненаглядная, говоритъ, моя любовь! Родители, говоритъ, согласія своего не даютъ, чтобы я вѣнчался съ тобой... и

грозятъ меня навѣки проклясть за любовь къ тебѣ. Ну и долженъ, говоритъ, я отъ этого лишить себя жизни... А леворвертъ у него—агромадный и заряженъ десятью пулями... Прощай, говоритъ, любезная подруга моего сердца!—рѣшился я безповоротно... жить безъ тебя—никакъ не могу. И отвѣчала я ему: незабвенный другъ мой... Рауль...

БУБНОВЪ (*удивленный*).

Чего-о? Какъ? Краулъ?

БАРОНЪ (*хохочетъ*).

Настька! Да вѣдь... вѣдь прошлый разъ—Гастонъ былъ!

НАСТЯ (*вскакивая*).

Молчите... несчастные! Ахъ... бродячія собаки! Развѣ... развѣ вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня—была она... настоящая! (*Барону*). Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человѣкъ... говоришь—лежа кофей пилъ...

ЛУКА.

А вы — погоди-ите! Вы — не мѣшайте! Уважьте человѣку... не въ словѣ—дѣло, а—почему слово говорится?—вотъ въ чемъ дѣло! Разсказывай, дѣвушка, ничего!

БУБНОВЪ.

Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

БАРОНЪ.

Ну—дальше!

НАТАША.

Не слушай ихъ... что они? Они—изъ зависти это... про себя имъ сказать нечего...

НАСТЯ (*снова садится*).

Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не вѣрятъ... коли смѣются... (*Вдругъ, прерывая рѣчь, молчитъ нѣсколько секундъ и, вновь закрывъ глаза, продолжаетъ горячо и громко, помахивая рукой въ тактъ рѣчи и точно вслушиваясь въ отдаленную музыку*). И вотъ—отвѣчаю я ему: радость жизни моей! Мѣсяцъ ты мой ясный! И мнѣ безъ тебя тоже вовсе невозможно жить на свѣтѣ... потому какъ люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но,—говорю,—не лишай себя молодой твоей жизни... какъ нужна она дорогимъ твоимъ родителямъ, для которыхъ ты—вся ихъ радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... отъ тоски по тебѣ, жизнь моя... я—одна... я—таковская! Пускай ужъ я... погибаю,—все равно! Я—никуда не гожусь... и нѣтъ мнѣ ничего... нѣтъ ничего... (*Закрываетъ лицо руками и беззвучно плачетъ*).

НАТАША

(*отвертывается въ сторону, не громко*).
Не плачь... не надо!

(*Лука улыбаясь гладитъ голову Насти*).

БУБНОВЪ (*хохочетъ*).

Ахъ... чортова кукла! а?

БАРОНЪ (*тоже смѣется*).

Дѣдка! Ты думаешь, это правда? Это все изъ книжки «Роковая любовь»... Все это—ерунда! Брось ее!..

НАТАША.

А тебѣ что? Ты! Молчи ужъ... коли Богъ убилъ.

НАСТЯ (*яростно*).

Пропащая душа! Пустой человѣкъ! Гдѣ у тебя—душа?

ЛУКА

(*беретъ Настю за руку*).

Уйдемъ, милая! ничего... не сердись! Я—знаю... Я—вѣрю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты вѣришь, была у тебя настоящая любовь... значитъ, была она! Была! А на него—не сердись, на сожителя-то... Онъ... можетъ и впрямь изъ зависти смѣется... у него, можетъ, вовсе не было настоящаго-то... ничего не было! Пойдемъ-ка!..

НАСТЯ

(*крѣпко прижимая руки ко груди*).

Дѣдушка! Ей-Богу... было это! Все было!.. Студентъ онъ... французъ былъ... Гастошей звали... съ черной бородкой... въ лаковыхъ сапогахъ ходилъ... разрази меня громъ на этомъ мѣстѣ! И такъ онъ меня любилъ... такъ любилъ!

ЛУКА.

Я—знаю! Ничего! Я вѣрю! Въ лаковыхъ сапогахъ, говоришь? А-яй-ай! Ну—и ты его тоже—любила? (*Уходятъ за уголъ*).

БАРОНЪ.

Ну и глупа-же эта дѣвица... добрая, но глупа—нестерпимо!

БУБНОВЪ.

И чего это... человѣкъ врать такъ любитъ. Всегда—какъ передъ слѣдователемъ стоитъ... право!

НАТАША.

Видно вранье-то... пріятнѣе правды... Я тоже...

БАРОНЪ.

Что—тоже? Дальше?

НАТАША.

Выдумываю... Выдумываю и—жду...

БАРОНЪ.

Чего?

НАТАША (*смущенно улыбаясь*).

Такъ... Вотъ, думаю, завтра... пріѣдетъ кто-то... кто-нибудь... особенный... Или случится что-нибудь... тоже небывалое... Подолгу жду... всегда жду... А такъ... на самомъ дѣлѣ—чего можно ждать?

(*Пауза*).

БАРОНЪ (*съ усмѣшкой*).

Нечего ждать... Я—ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

НАТАША.

А то... воображу себѣ, что завтра я... скоропостижно помру... И станетъ отъ этого—жутко... Лѣтомъ хорошо воображать про смерть... грозы бываютъ лѣтомъ... всегда можетъ грозой убить...

БАРОНЪ.

Не хорошо тебѣ жить... эта сестра твоя... дьявольскій характеръ!

НАТАША.

А кому—хорошо жить? Всѣмъ плохо... я вижу...

КЛЕЩЪ

(*до этой поры неподвижный и безучастный—вдругъ вскакиваетъ*).

Всѣмъ? Врешь! Не всѣмъ! Кабы—всѣмъ... пускай! Тогда—не обидно... да!

БУБНОВЪ.

Что тебя—чортъ боднулъ? Ишь ты... взвылъ какъ!

(*Клещъ снова ложится на свое мѣсто и ворчитъ*).

БАРОНЪ.

А... надо мнѣ къ Настенькѣ мириться идти... не помиришься—на выпивку не дастъ...

БУБНОВЪ.

Мм... Любятъ врать люди... Ну, Настька... дѣло понятное! Она привыкла рожу себѣ подкрашивать... вотъ и душу хочетъ подкрасить... румянецъ на душу наводить... А... другіе—зачѣмъ? Вотъ, Лука, примѣрно... много онъ вретъ... и безъ всякой пользы для себя... Старикъ ужъ... Зачѣмъ бы ему?

БАРОНЪ (*усмѣхаясь, отходитъ*).

У всѣхъ людей—души сѣренькія... всѣ подрумяниться желаютъ...

ЛУКА (*выходитъ изъ-за угла*).

Ты, баринъ, зачѣмъ дѣвку тревожишь? Ты-бы не мѣшалъ ей... пускай плачетъ - забавляется... Она вѣдь для своего удовольствія слезы льетъ... чѣмъ тебѣ это вредно?

БАРОНЪ.

Глупо, старикъ! Надоѣла она... Сегодня—Рауль, завтра—Гастонъ... а всегда одно и то-же! Впрочемъ—я иду мириться съ ней... (*Уходитъ*).

ЛУКА.

Поди-ка, вотъ... приласкай! Человѣка приласкать—никогда не вредно...

НАТАША.

Добрый ты, дѣдушка... Отчего ты—такой добрый?

ЛУКА.

Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли такъ... да! (*За красной стѣной тихо звучитъ гармоника и пѣсня*). Надо, дѣвушка, кому-нибудь и добрымъ быть... жалѣть людей надо! Христосъ - отъ всѣхъ жалѣлъ и намъ такъ велѣлъ... Я-те скажу—во-время человѣка пожалѣть... хорошо бываетъ! Вотъ, примѣрно, служилъ я сторожемъ на дачѣ... у инженера одного подъ Томскомъ-городомъ... Ну, ладно! Въ лѣсу дача стояла, мѣсто глухое... а зима была и—одинъ я, на дачѣ-то... Славно—хорошо! Только разъ—слышу—лѣзутъ!

НАТАША.

Воры?

ЛУКА.

Они. Лѣзутъ, значитъ, да!... Взялъ я ружьишко, вышелъ... Гляжу—двое... открываютъ окно—и такъ занялись дѣломъ, что меня и не видятъ. Я имъ кричу: ахъ вы!.. пошли прочь!... А они, значитъ, на меня съ топоромъ... Я ихъ упреждаю—отстаньте, молъ! А то сейчасъ—стрѣлю!.. Да ружьишко-то, то на одного, то на другого и навожу.

Они—на колѣнки пали: дескать,—пусти! Ну, а я ужъ того... осердился... за топоръ-то, знаешь! Говорю—я васъ, лѣшіе, прогонялъ, не шли... а теперь, говорю: ломай вѣтки одинъ который нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, одинъ—ложись, а другой—пори его! Такъ они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А какъ выпоролись они... и говорятъ мнѣ—дѣдушка, говорятъ, дай хлѣбца Христа ради! Идемъ, говорятъ, не жрамши. Вотъ-те и воры, милая... (*смѣется*)... вотъ-те и съ топоромъ! Да... Хорошіе мужики оба... Я говорю имъ: вы-бы, лѣшіе, прямо-бы хлѣба просили. А они—надоѣло, говорятъ... проспишь-проспишь, а никто не даетъ... обидно!.. Такъ они у меня всю зиму и жили. Одинъ,—Степаномъ звать,—возьметъ, бывало, ружьишко и закатится въ лѣсъ... А другой,—Яковъ былъ,—все хворалъ, кашлялъ все... Втроемъ, значитъ, мы дачу-то и стерегли. Пришла весна—прощай, говорятъ, дѣдушка! И ушли... въ Россію побрели...

НАТАША.

Они бѣглые? Каторжане?

ЛУКА.

Дѣйствительно—такъ,—бѣглые... съ поселенья ушли... Хорошіе мужики!.. Не пожалѣй я ихъ—они-бы, можетъ, убили меня... али еще что... А потомъ—судъ да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма—добру не научитъ и Сибирь не научитъ... а человѣкъ—научитъ... да! Человѣкъ—можетъ добру научить... очень просто!

(*Пауза*).

БУБНОВЪ.

Мм-да!.. А я вотъ... не умѣю врать! Зачѣмъ? По-моему—вали всю правду, какъ она есть! Чего стѣсняться?

КЛЕЩЪ

(*вдругъ снова вскакиваетъ, какъ обожженный, и кричитъ*).

Какая правда? Гдѣ—правда? (*Треплетъ руками лохмотья на себѣ*). Вотъ—правда! Работы нѣтъ... силы нѣтъ! Вотъ—правда! Пристанища... пристанища нѣту! Издыхать надо... вотъ она, правда! Дьяволъ! На... на что мнѣ она—правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай! Чѣмъ я виноватъ?.. За что мнѣ—правду? Жить—дьяволъ—жить нельзя... вотъ она, правда!..

БУБНОВЪ.

Вотъ такъ... забрало!..

ЛУКА.

Господи Исусе... слышь-ка, милый! Ты...

КЛЕЩЪ

(*дрожитъ отъ возбужденія*).

Говорите тутъ—пра-авда! Ты, старикъ, утѣшаешь всѣхъ... Я тебѣ скажу... ненавижу я всѣхъ! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понялъ? Пойми! Будь она—проклята! (*Бѣжитъ за уголъ, оглядываясь*).

ЛУКА.

Ай-яй-ай! Какъ встревожился человѣкъ... И куда побѣжалъ?

НАТАША.

Все равно какъ рехнулся...

БУБНОВЪ.

Здóрово пущено! Какъ въ театръ разыгралъ... Бываетъ это, частенько... Не привыкъ еще къ жизни-то...

ПЕПЕЛЪ

(*медленно выходитъ изъ-за угла*).

Миръ честной компаніи! Что, Лука, старецъ лукавый, все исторіи разсказываешь?

ЛУКА.

Видѣлъ-бы ты... какъ тутъ человѣкъ кричалъ!

ПЕПЕЛЪ.

Это Клещъ, что-ли? Чего онъ? Бѣжитъ, какъ ошпаренный...

ЛУКА.

Побѣжишь, если этакъ... къ сердцу подступитъ...

ПЕПЕЛЪ (*садится*).

Не люблю его... больно онъ золъ, да гордъ. (*Передразнивая Клеща*). «Я—рабочій человѣкъ». И—всѣ его ниже, будто... Работай, коли нравится... чѣмъ-же гордиться тутъ? Ежели людей по работѣ цѣнить... тогда лошадь лучше всякаго человѣка... возитъ и—молчитъ! Наташа! Твои—дома?

НАТАША.

На кладбище ушли... потомъ ко всенощной хотѣли...

ПЕПЕЛЪ.

То-то, я гляжу, свободна ты... рѣдкость!

ЛУКА (*задумчиво, Бубнову*).

Вотъ... ты говоришь—правда... Она, правда-то, не всегда по недуту человѣку... не всегда правдой душу вылечишь...

Былъ, примѣрно, такой случай: зналъ я одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ...

БУБНОВЪ.

Во что-о?

ЛУКА.

Въ праведную землю. Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ праведная земля... въ той, дескать, землѣ,—особые люди населяютъ... хорошіе люди! другъ дружку они уважаютъ, другъ дружкѣ—за всяко-просто—помогаютъ... и все у нихъ славно-хорошо! И вотъ человѣкъ все собирался идти... праведную эту землю искать. Былъ онъ—бѣдный, жилъ—плохо... и когда приходилось ему такъ ужъ трудно, что хоть ложись, да помирай—духа онъ не терялъ, а все, бывало, усмѣхался только да высказывалъ: ничего! потерплю! Еще нѣсколько пожду, а потомъ—брошу всю эту жизнь и—уйду въ праведную землю... Одна у него радость была—земля эта...

ПЕПЕЛЪ.

Ну? Пошелъ?

БУБНОВЪ.

Куда? Хо-хо!

ЛУКА.

И вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали ссыльнаго, ученаго... съ книгами, съ планами онъ, ученый-то, и со всякими штуками... Человѣкъ и говоритъ ученому: покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля и какъ туда дорога? Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планы разложилъ... глядѣлъ - глядѣлъ—нѣтъ нигдѣ праведной земли! Все вѣрно, всѣ земли показаны, а праведной—нѣтъ!..

ПЕПЕЛЪ (*не громко*).

Ну? Нѣту? (*Бубновъ хохочетъ*).

НАТАША.

Погоди ты... ну, дѣдушка?

ЛУКА.

Человѣкъ—не вѣритъ... Должна, говоритъ, быть... ищи лучше! А то, говоритъ, книги и планы твои—ни къ чему, если праведной земли нѣтъ... Ученый—въ обиду. Мои, говоритъ, планы самые вѣрные, а праведной земли вовсе нигдѣ нѣтъ. Ну, тутъ и человѣкъ разсердился—какъ такъ? Жилъ-жилъ, терпѣлъ-терпѣлъ и все вѣрилъ—есть! а по планамъ выходитъ—нѣту! Грабежъ!.. И говоритъ онъ ученому: ахъ ты... сволочь эдакой! Подлецъ ты, а не ученый... да въ ухо ему—разъ! Да еще!.. (*Помолчавъ*). А послѣ того пошелъ домой и—удавился!.. (*Всѣ молчатъ. Лука, улыбаясь, смотритъ на Пепла и Наташу*).

ПЕПЕЛЪ (*не громко*).

Ч-чортъ-те возьми... исторія—не веселая...

НАТАША.

Не стерпѣлъ обмана...

БУБНОВЪ (*угрюмо*).

Все—сказки...

ПЕПЕЛЪ.

Н-да... вотъ-те и праведная земля... не оказалось, значитъ...

НАТАША.

Жалко... человѣка-то...

БУБНОВЪ.

Все—выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда-же! Хо-хо-хо! (*Исчезаетъ изъ окна*).

ЛУКА

(*кивая головой на окно Бубнова*).

Смѣется! Эхе-хе... (*Пауза*). Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро отъ васъ...

ПЕПЕЛЪ.

Куда теперь?

ЛУКА.

Въ хохлы... Слыхалъ я—открыли тамъ новую вѣру... поглядѣть надо... да!.. Все ищутъ люди, все хотятъ—какъ лучше... дай имъ, Господи, терпѣнья!

ПЕПЕЛЪ.

Какъ думаешь... найдутъ?

ЛУКА.

Люди-то? Они—найдутъ! Кто ищетъ—найдетъ... Кто крѣпко хочетъ—найдетъ!

НАТАША.

Кабы нашли что-нибудь... придумали-бы получше что...

ЛУКА.

Они—придумаютъ! Помогать только надо имъ, дѣвонька... уважать надо...

НАТАША.

Какъ я помогу? Я сама... безъ помощи...

ПЕПЕЛЪ (*рѣшительно*).

Опять я... снова я буду говорить съ тобой... Наташа... Вотъ—при немъ... онъ—все знаетъ... Иди... со мной!

НАТАША.

Куда? По тюрьмамъ?

ПЕПЕЛЪ.

Я сказалъ—брошу воровство! Ей-Богу—брошу! Коли сказалъ—сдѣлаю! Я—грамотный... буду работать... Вотъ онъ говоритъ—въ Сибирь-то по своей волѣ надо идти... ѣдемъ туда, ну?.... Ты думаешь моя жизнь не претитъ мнѣ? Эхъ, Наташа! Я знаю... вижу!.. Я утѣшаю себя тѣмъ, что другіе побольше моего воруютъ, да въ чести живутъ... только это мнѣ не помогаетъ! Это... не то! Я не каюсь... въ совѣсть я не вѣрю... Но—я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо такъ жить... чтобы самому себя можно мнѣ было уважать...

ЛУКА.

Вѣрно, милый! Дай тебѣ Господи... помоги тебѣ Христосъ! Вѣрно: человѣкъ долженъ уважать себя...

ПЕПЕЛЪ.

Я—съ измалѣтства—воръ... всѣ, всегда говорили мнѣ: воръ Васька, воровъ сынъ Васька! Ага? Такъ? Ну—на те! Вотъ—я воръ!.. Ты пойми: я, можетъ быть, со зла воръ-то...

оттого я воръ, что другимъ именемъ никто, никогда не догадался назвать меня... Назови ты... Наташа, ну?

НАТАША (*грустно*).

Не вѣрю я какъ-то... никакимъ словамъ... И безпокойно мнѣ сегодня... сердце щемитъ... будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василій, разговоръ этотъ сегодня завелъ...

ПЕПЕЛЪ.

Когда-же? Я не первый разъ говорю...

НАТАША.

И что-же я съ тобой пойду? Вѣдь... любить тебя... не очень я люблю... Иной разъ—нравишься ты мнѣ... а когда—глядѣть на тебя тошно... Видно—не люблю я тебя... когда любятъ—плохого въ любимомъ не видятъ... а я—вижу...

ПЕПЕЛЪ.

Полюбишь—не бойся! Я тебя пріучу къ себѣ... ты только согласись! Больше года я смотрѣлъ на тебя... вижу ты дѣвица строгая... хорошая... надежный человѣкъ... очень полюбилъ тебя!..

(*Василиса, нарядная, является въ окнѣ и, стоя у косяка, слушаетъ*).

НАТАША.

Такъ. Меня—полюбилъ, а сестру мою...

ПЕПЕЛЪ (*смущенно*).

Ну, что она? Мало-ли... эдакихъ-то...

ЛУКА.

Ты... ничего, дѣвушка! Хлѣба нѣту,—лебеду ѣдятъ... если хлѣбушка-то нѣту...

ПЕПЕЛЪ (*угрюмо*).

Ты... пожалѣй меня! Не сладко живу... волчья жизнь—мало радуетъ... Какъ въ трясинѣ тону... за что не схватишься... все—гнилое... все—не держитъ... Сестра твоя... я думалъ она... не то... Ежели бы она... не жадная до денегъ была—я бы ея ради... на все пошелъ!.. Лишь-бы она—вся моя была... Ну, ей другого надо... ей—денегъ надо... и воли надо... а воля ей,—чтобы развратничать. Она—помочь мнѣ не можетъ... А ты—какъ молодая елочка и— колешься, а сдержишь...

ЛУКА.

И я скажу—иди за него, дѣвонька, иди! Онъ—парень ничего—хорошій! Ты только почаще напоминай ему, что онъ хорошій парень, чтобы онъ, значитъ, не забывалъ про это! Онъ тебѣ—повѣритъ... Ты только поговаривай ему: Вася, молъ, ты—хорошій человѣкъ... не забывай! Ты подумай, милая, куда тебѣ идти окромя-то? Сестра у тебя—звѣрь злой, про мужа про ея—и сказать нечего: хуже всякихъ словъ старикъ... и вся эта здѣшняя жизнь... куда тебѣ идти! А парень—крѣпкій...

НАТАША.

Идти некуда... я знаю... думала... Только вотъ... не вѣрю я никому... А идти мнѣ—некуда...

ПЕПЕЛЪ.

Одна дорога... ну, на эту дорогу я не допущу... А лучше убью...

НАТАША (*улыбаясь*).

Вотъ... еще не жена я тебѣ, а ужъ хочешь убить.

ПЕПЕЛЪ (*обнимаетъ ее*).

Брось, Наташа! Все равно!..

НАТАША (*прижимаясь къ нему*).

Ну... одно я тебѣ скажу, Василій... вотъ какъ передъ Богомъ говорю!—какъ только ты меня первый разъ ударишь... или иначе обидишь... я—себя не пожалѣю... или сама удавлюсь, или...

ПЕПЕЛЪ.

Пускай у меня рука отсохнетъ, коли я тебя трону!..

ЛУКА.

Ничего, не сумнѣвайся, милая! Ты ему нужнѣе, чѣмъ онъ—тебѣ...

ВАСИЛИСА (*изъ окна*).

Вотъ и сосватались! Совѣтъ да любовь!

НАТАША.

Пришли!.. охъ, Господи! Видѣли... эхъ, Василій!

ПЕПЕЛЪ.

Чего ты испугалась? Теперь никто не смѣетъ тронуть тебя!

ВАСИЛИСА.

Не бойся, Наталья! Онъ тебя бить не станетъ... Онъ ни бить, ни любить не можетъ... я знаю!

ЛУКА (*не громко*).

Ахъ, баба... гадюка ядовитая...

ВАСИЛИСА.

Онъ больше на словахъ удалъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*выходитъ*).

Наташка! Ты что тутъ дѣлаешь, дармоѣдка? Сплетни плетешь? На родныхъ жалуешься? А самоваръ не готовъ? На столѣ не собрано?

НАТАША (*уходя*).

Да вѣдь вы въ церковь идти хотѣли...

КОСТЫЛЕВЪ.

Не твое дѣло, чего мы хотѣли! Ты должна свое дѣло дѣлать... что тебѣ приказано!

ПЕПЕЛЪ.

Цыцъ, ты! Она тебѣ больше не слуга... Наталья, не ходи... не дѣлай ничего!..

НАТАША.

Ты—не командуй... рано еще! (*Уходитъ*).

ПЕПЕЛЪ (*Костылеву*).

Будетъ вамъ! Поиздѣвались надъ человѣкомъ... достаточно! Теперь она—моя!

КОСТЫЛЕВЪ.

Тво-оя? Когда купилъ? Сколько далъ?

ВАСИЛИСА (*хохочетъ*).

ЛУКА.

Вася! Ты—уйди...

ПЕПЕЛЪ.

Глядите вы... веселые! Не заплакать-бы вамъ!

ВАСИЛИСА.

Ой, страшно! Ой, боюсь!

ЛУКА.

Василій—уйди! Видишь- подстрекаетъ она тебя... подзадориваетъ—понимаешь?

ПЕПЕЛЪ.

Да... ага! Вретъ... врешь! Не быть тому, чего тебѣ хочется!

ВАСИЛИСА.

И того не будетъ, чего я не захочу, Вася!

ПЕПЕЛЪ (*грозитъ ей кулакомъ*).

Поглядимъ!.. (*Уходитъ*).

ВАСИЛИСА (*исчезая изъ окна*).

Устрою я тебѣ свадебку!

КОСТЫЛЕВЪ (*подходитъ къ Лукѣ*).

Что, старичекъ?

ЛУКА.

Ничего, старичекъ!..

КОСТЫЛЕВЪ.

Такъ... Уходишь, говорятъ?

ЛУКА.

Пора...

КОСТЫЛЕВЪ.

Куда?

ЛУКА.

Куда глаза поведутъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Бродяжить, значитъ... Неудобство, видно, имѣешь на одномъ-то мѣстѣ жить?

ЛУКА.

Подъ лежачъ камень—сказано—и вода не течетъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

То — камень. А человѣкъ долженъ на одномъ мѣстѣ жить... Нельзя чтобы люди вродѣ таракановъ жили... Куда кто хочетъ, туда и ползетъ... Человѣкъ долженъ опредѣлять себя къ мѣсту... не путаться зря по землѣ...

ЛУКА.

А если которому—вездѣ мѣсто?

КОСТЫЛЕВЪ.

Стало быть онъ — бродяга... безполезный человѣкъ... Нужно, чтобы отъ человѣка польза была... чтобы онъ работалъ...

ЛУКА.

Ишь ты!

КОСТЫЛЕВЪ.

Да. А какъ-же?.. Что такое... странникъ? Странный человѣкъ... непохожій на другихъ... Ежели онъ—настояще страненъ, что нибудь знаетъ... что нибудь узналъ эдакое...

ненужное никому... можетъ онъ и правду узналъ тамъ... ну, не всякая правда нужна... да! Онъ—про себя ее храни... и молчи. Ежели онъ настояще-то... страненъ... онъ—молчитъ! А то такъ говоритъ, что никому не понятно... И онъ ничего не желаетъ, ни во что не мѣшается, людей зря не мутитъ... Какъ люди живутъ—не его дѣло... Онъ долженъ преслѣдовать праведную жизнь... долженъ жить въ лѣсахъ... въ трущобахъ... невидимо! И никому не мѣшать, никого не осуждать... а за всѣхъ—молиться... за всѣ мірскіе грѣхи... за мои, за твои... за всѣ! Онъ для того и суеты мірской бѣжитъ... чтобы молиться. Вотъ какъ... *(Пауза).* А ты... какой ты странникъ?.. Пачпорта не имѣешь... Хорошій человѣкъ долженъ имѣть пачпортъ... Всѣ хорошіе люди пачпорта имѣютъ... да!..

ЛУКА.

Есть—люди, а есть—иные—и человѣки...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ты... не мудри! Загадокъ не задавай... Я тебя не глупѣе... Что такое—люди и человѣки?

ЛУКА.

Гдѣ тутъ загадка? Я говорю—есть земля не удобная для посѣва... и есть урожайная земля... что ни посѣешь на ней—родитъ... Такъ-то вотъ...

КОСТЫЛЕВЪ.

Ну? Это къ чему-же?

ЛУКА.

Вотъ ты, примѣрно... Ежели тебѣ самъ Господь Богъ скажетъ: Михайло! Будь человѣкомъ!.. Все равно—никакого толку не будетъ... какъ ты есть—такъ и останешься...

КОСТЫЛЕВЪ.

А... а—ты знаешь?—у жены моей дядя—полицейскій? И если я...

ВАСИЛИСА (*входитъ*).

Михайла Ивановичъ, иди чай пить..

КОСТЫЛЕВЪ (*Лукѣ*).

Ты... вотъ что: пошелъ-ка вонъ! долой съ квартиры!..

ВАСИЛИСА.

Да, убирайся-ка, старикъ!.. Больно у тебя язычекъ длиненъ... Да и кто знаетъ... можетъ ты бѣглый какой...

КОСТЫЛЕВЪ.

Сегодня-же, чтобы духа твоего не было! А то я... смотри!

ЛУКА.

Дядю позовешь? Позови дядю... Бѣглаго, молъ, изловилъ... Награду дядя получитъ можетъ... копѣйки три...

БУБНОВЪ (*въ окнѣ*).

Чѣмъ тутъ торгуютъ? За что—три копѣйки?

ЛУКА.

Меня вотъ грозятъ продать...

ВАСИЛИСА (*мужу*).

Идемъ...

БУБНОВЪ.

За три копѣйки? Ну, гляди, старикъ... Они и за копѣйку продадутъ...

КОСТЫЛЕВЪ (*Бубнову*).

Ты... вытаращился, ровно домовой изъ-подъ печки! (*Идетъ съ женой*).

ВАСИЛИСА.

Сколько на свѣтѣ темныхъ людей... и жуликовъ разныхъ!..

ЛУКА.

Пріятнаго вамъ апетиту!...

ВАСИЛИСА (*оборачиваясь*).

Попридержи языкъ... грибъ поганый!

(*Уходитъ съ мужемъ за уголъ*).

ЛУКА.

Сегодня въ ночь—уйду...

БУБНОВЪ.

Это—лучше. Во-время уйти всегда лучше...

ЛУКА.

Вѣрно говоришь...

БУБНОВЪ.

Я—знаю. Я, можетъ, отъ каторги спасся тѣмъ, что вовремя ушелъ.

ЛУКА.

Ну?

БУБНОВЪ.

Правда. Было такъ: жена у меня съ мастеромъ связалась... Мастеръ, положимъ, хорошій.... очень онъ ловко собакъ въ енотовъ перекрашивалъ... кошекъ тоже—въ

кенгурій мѣхъ... выхухоль... и всяко. Ловкачъ. Такъ вотъ—связалась съ нимъ жена... и такъ они крѣпко другъ за друга взялись, что—того и гляди либо отравятъ меня, либо еще какъ со свѣта сживутъ. Я было—жену бить... а мастеръ—меня... Очень злобно дрался! Разъ—половину бороды выдралъ у меня и ребро сломалъ. Ну и я тоже обозлился... однажды жену по башкѣ желѣзнымъ аршиномъ тяпнулъ... и вообще—большая война началась! Однако, вижу,—ничего эдакъ не выйдетъ... одолѣваютъ они меня! И задумалъ я тутъ—укокошить жену... крѣпко задумалъ! Но во-время спохватился—ушелъ...

ЛУКА.

Эдакъ-то лучше! Пускай ихъ тамъ изъ собакъ енотовъ дѣлаютъ!..

БУБНОВЪ.

Только... мастерская-то на жену была... и остался я какъ видишь! Хоть, по правдѣ говоря, пропилъ-бы я мастерскую... Запой у меня, видишь-ли...

ЛУКА.

Запой? А-а!

БУБНОВЪ.

Злющій запой! Какъ начну я заливать—весь пропьюсь, одна кожа останется... И еще—лѣнивъ я. Страсть какъ работать не люблю!..

(Сатинъ и Актеръ входятъ, споря).

САТИНЪ.

Чепуха! Никуда ты не пойдешь... все это чертовщина! Старикъ! Чего ты надулъ въ уши этому огарку?

АКТЕРЪ.

Врешь! Дѣдъ! Скажи ему, что онъ--вретъ! Я—иду! Я сегодня—работалъ, мелъ улицу... а водки—не пилъ! Каково? Вотъ они—два пятиалтынныхъ, а я—трезвъ!

САТИНЪ.

Нелѣпо и все тутъ! Дай, я пропью... а то—проиграю...

АКТЕРЪ.

Пошелъ прочь! Это—на дорогу!

ЛУКА (*Сатину*).

А ты—почто его съ толку сбиваешь?

САТИНЪ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,—что сбудется въ жизни со мною? Продулся, братъ, я—вдребезги Еще не все пропало, дѣдъ,—есть на свѣтѣ шуллера поумнѣе меня!

ЛУКА.

Веселый ты, Костянтинъ... пріятный!

БУБНОВЪ.

Актеръ! Поди-ка сюда!

(*Актеръ идетъ къ окну и садится предъ нимъ на корточки. Въ полголоса разговариваютъ*).

САТИНЪ.

Я, братъ, молодой—занятенъ былъ! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень... плясалъ великолѣпно, игралъ на сценѣ, любилъ смѣшить людей... славно!

ЛУКА.

Какъ-же это ты свихнулся со стези своей, а?

САТИНЪ.

Какой ты любопытный, старикашка? Все-бы тебѣ знать... а—зачѣмъ?

ЛУКА.

Понять хочется дѣла-то человѣческія... а на тебя гляжу—не понимаю! Эдакій ты бравый, Костянтинъ... не глупый... и вдругъ...

САТИНЪ.

Тюрьма, дѣдъ! Я четыре года семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ отсидѣлъ... а послѣ тюрьмы—нѣтъ ходу!

ЛУКА.

Ого-го! За что сидѣлъ-то?

САТИНЪ.

За подлеца... убилъ подлеца въ запальчивости и раздраженіи... Въ тюрьмѣ я и въ карты играть научился...

ЛУКА.

А убилъ—изъ-за бабы?

САТИНЪ.

Изъ-за родной сестры... Однако—ты отвяжись! Я не люблю, когда меня разспрашиваютъ... И... все это было давно... сестра—умерла... уже девять лѣтъ... прошло... Славная, братъ, была человѣчинка сестра у меня!..

ЛУКА.

Легко ты жизнь переносишь! А вотъ давеча тутъ... слесарь—такъ взвылъ... а-а-яй!

САТИНЪ.

Клещъ?

ЛУКА.

Онъ. Работы, кричитъ, нѣту... ничего нѣту!

САТИНЪ.

Привыкнетъ... Чѣмъ-бы мнѣ заняться?

ЛУКА (*тихо*).

Гляди! Идетъ...

(*Клещъ идетъ—медленно, низко опустивъ голову*).

САТИНЪ.

Эй, вдовецъ! Чего нюхалку повѣсилъ? Что хочешь выдумать?

КЛЕЩЪ.

Думаю... чего дѣлать буду? Инструмента—нѣтъ... все—похороны съѣли!

САТИНЪ.

Я тебѣ дамъ совѣтъ: ничего не дѣлай! Просто—обременяй землю!..

КЛЕЩЪ.

Ладно... говори... Я—стыдъ имѣю предъ людьми...

САТИНЪ.

Брось! Люди не стыдятся того, что тебѣ хуже собаки живется... Подумай—ты не станешь работать, я—не стану... еще сотни... тысячи, всѣ!—понимаешь? всѣ бросаютъ работать! Никто ничего не хочетъ дѣлать—что тогда будетъ?

КЛЕЩЪ.

Съ голоду подохнутъ всѣ...

ЛУКА (*Сатину*).

Тебѣ-бы съ такими рѣчами къ бѣгунамъ идти... Есть такіе люди, бѣгуны называются...

САТИНЪ.

Я знаю... они—не дураки, дѣдка!

(*Изъ окна Костылевыхъ доносится крикъ Наташи:* «За что? Постой... за что-о?»).

ЛУКА (*безпокойно*).

Наташа? Она кричитъ? а? Ахъ, ты...

(*Въ квартирѣ Костылевыхъ—шумъ, возня, звонъ разбитой посуды и визгливый крикъ Костылева:* «А-а... еретица... шкуреха...»).

ВАСИЛИСА.

Стой.... погоди... Я ее... вотъ... вотъ...

НАТАША.

Бьютъ! Убиваютъ...

САТИНЪ (*кричитъ въ окно*).

Эй, вы тамъ!

ЛУКА (*суетясь*).

Василья-бы... позвать-бы Васю-то... ахъ, Господи! Братцы... ребята...

АКТЕРЪ (*убѣгая*).

Вотъ я... сейчасъ его...

БУБНОВЪ.

Ну и часто они ее бить стали...

САТИНЪ.

Идемъ, старикъ... свидѣтелями будемъ!

ЛУКА

(идетъ вслѣдъ за Сатинымъ).

Какой я свидѣтель! Куда ужъ... Василья-то бы скорѣе...

НАТАША.

Сестра... сестрица... Ва-а-а...

БУБНОВЪ.

Ротъ заткнули... пойду взгляну...

(Шумъ въ квартирѣ Костылевыхъ стихаетъ, удаляясь, должно быть, въ сѣни изъ комнаты. Слышенъ крикъ старика: «Стой!» *Громко хлопаетъ дверь, и этотъ звукъ, какъ топоромъ обрубаетъ весь шумъ. На сценѣ—тихо. Вечерній сумракъ).*

КЛЕЩЪ

(безучастно сидитъ на дровняхъ, крѣпко потираетъ руки. Потомъ начинаетъ что-то бормотать—сначала невнятно, далѣе)—Какъ-же?.. Надо жить... *(Громко).* Пристанище надо... ну? Нѣтъ пристанища... ничего нѣтъ! Одинъ человѣкъ... одинъ, весь тутъ... Помощи нѣтъ...

(Медленно, согнувшись, уходитъ. Нѣсколько секундъ зловѣщей тишины. Потомъ—гдѣ-то въ проходѣ рождается смутный шумъ, хаосъ звуковъ. Онъ растетъ, приближается. Слышны отдѣльные голоса).

ВАСИЛИСА.

Я ей—сестра! Пусти...

КОСТЫЛЕВЪ.

Какое ты имѣешь право?

ВАСИЛИСА.

Каторжникъ...

САТИНЪ.

Ваську зови!.. скорѣй... Зобъ—бей его!

(Полицейскій свистокъ).

ТАТАРИНЪ

(выбѣгаетъ. Правая рука у него на перевязи).

Какой-такой законъ есть—днемъ убивать?

КРИВОЙ ЗОБЪ *(за нимъ Медвѣдевъ).*

Эхъ, и далъ я ему разочекъ!

МЕДВѢДЕВЪ.

Ты—какъ можешь драться?

ТАТАРИНЪ.

А ты? Твоя какая обязанность?

МЕДВѢДЕВЪ

(гонится за крючникомъ).

Стой! Отдай свистокъ...

КОСТЫЛЕВЪ *(выбѣгаетъ).*

Абрамъ! Хватай... бери его! Убилъ...

(Изъ-за угла выходятъ Квашня и Настя—они ведутъ подъ руки Наташу, растрепанную. Сатинъ пятится задомъ, отталкивая Василису, которая, размахивая

руками, пытается ударить сестру. Около нея прыгаетъ, какъ бѣсноватый, Алешка, свиститъ ей въ уши, кричитъ, воетъ. Потомъ еще нѣсколько оборванныхъ фигуръ—мужчинъ и женщинъ).

САТИНЪ (*Василисѣ*).

Куда? Сова проклятая...

ВАСИЛИСА.

Прочь, каторжникъ! Жизни рѣшусь, а—растерзаю...

КВАШНЯ (*отводя Наташу*).

А ты, Карповна, полно... постыдись! Что звѣрствуешь?

МЕДВѢДЕВЪ (*хватаетъ Сатина*).

Ага... попалъ!

САТИНЪ.

Зобъ! Луши ихъ!.. Васька... Васька!

(*Всѣ сталкиваются въ кучу около прохода, у красной стѣны. Наташу уводятъ направо и тамъ усаживаютъ на кучѣ дерева*).

ПЕПЕЛЪ

(*выскочивъ изъ проулка, онъ молча сильными движеніями расталкиваетъ всѣхъ*).

Гдѣ—Наталья? Ты...

КОСТЫЛЕВЪ (*скрываясь за угломъ*).

Абрамъ! Хватай Ваську... братцы—помогите Ваську взять! Вора... грабителя...

ПЕПЕЛЪ.

А ты... блудня старая! *(Сильно размахнувшись, бьетъ старика. Костылевъ падаетъ такъ, что изъ-за угла видна только верхняя половина его тѣла. Пепелъ бросается къ Наташѣ).*

ВАСИЛИСА.

Бейте Ваську! Голубчики... бейте вора!

МЕДВѢДЕВЪ (*кричитъ Сатину).*

Не можешь... тутъ — дѣло семейное! Они — родные... а ты кто?

ПЕПЕЛЪ.

Какъ... чѣмъ она тебя? Ножомъ?

КВАШНЯ.

Гляди-ко, звѣри какіе! Кипяткомъ ноги дѣвкѣ сварили...

НАСТЯ.

Самоваръ опрокинули...

ТАТАРИНЪ.

Можетъ—нечаянно... надо—вѣрно знать... нельзя зря говорить...

НАТАША *(почти въ обморокъ).*

Василій... возьми меня... схорони меня...

ВАСИЛИСА.

Батюшки! Глядите-ка! смотрите-ка! померъ! Убили...

(Всѣ толпятся у прохода, около Костылева. Изъ толпы выходитъ Бубновъ, идетъ къ Василію).

БУБНОВЪ *(не громко).*

Васька! Старикъ-то... того... готовъ!

ПЕПЕЛЪ.

(смотритъ на него, какъ-бы не понимая).

Иди... зови... въ больницу надо... ну, я разсчитаюсь съ ними!

БУБНОВЪ.

Я говорю—старика-то кто-то уложилъ...

(Шумъ на сценѣ гаснетъ, какъ огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдѣльные возгласы въ полголоса: «Неужто?» «Вотъ-те разъ!» «Ну-у?» «Уйдемъ-ка, братъ!» «Ахъ, чортъ!» «Теперь — держись!» «Айда прочь, покуда полиціи нѣтъ!» *Толпа становится меньше. Уходятъ. Бубновъ, Татаринъ, Настя и Квашня бросаются къ трупу Костылева).*

ВАСИЛИСА

(поднимаясь съ земли, кричитъ торжествующимъ голосомъ).

Убили! Мужа моего... вотъ кто убилъ! Васька убилъ! Я—видѣла! Голубчики—я видѣла! Что—Вася? Полиція?

ПЕПЕЛЪ

(отходитъ отъ Наташи).

Пусти... прочь! *(Смотритъ на старика. Василисѣ).* Ну? рада? *(Трогаетъ трупъ ногой).* Околѣлъ... старый песъ! По твоему вышло... А... не прихлопнуть-ли и тебя? *(Бросается на нее, Сатинъ и Кривой Зобъ быстро хватаютъ его. Василиса—скрывается въ проулкѣ).*

САТИНЪ.

Опомнись!

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Тпруу! Куда скачешь?

ВАСИЛИСА *(появляясь).*

Что, Вася, милъ другъ? Отъ судьбы — не уйдешь... Полиція! Абрамъ... свисти!

МЕДВѢДЕВЪ.

Свистокъ сорвали, дьяволы...

АЛЕШКА.

Вотъ онъ! *(Свиститъ. Медвѣдевъ бѣжитъ за нимъ).*

САТИНЪ

(отводя Пепла къ Наташѣ).

Васька — не трусь! Убійство въ дракѣ... пустяки! Это—недорого стоитъ...

ВАСИЛИСА.

Держите Ваську! Онъ убилъ... я видѣла!

САТИНЪ.

Я тоже раза три ударилъ старика... Много-ли ему надо! Зови меня въ свидѣтели, Васька...

ПЕПЕЛЪ.

Мнѣ... оправдываться не надо... Мнѣ — Василису надо подвести... я же ее подведу! Она этого хотѣла... Она меня подговарпвала мужа убить... подговаривала!..

НАТАША *(вдругъ, громко).*

А-а... я поняла!... Такъ, Василій?! Добрые люди! Они—за одно! Сестра моя и—онъ... они за одно! Они все это подстроили! Такъ, Василій?... Ты... для того со мной давеча говорилъ... чтобы она все слышала? Люди добрые! Она — его любовница... вы знаете... это всѣ знаютъ... они—за одно! Она... это она его подговорила мужа убить... мужъ имъ мѣшалъ... и я — мѣшала... Вотъ — изувѣчили меня...

ПЕПЕЛЪ.

Наталья! Что ты... что ты?!

САТИНЪ.

Вотъ такъ... чортъ!

ВАСИЛИСА.

Врешь! Вретъ она... я... онъ, Васька, убилъ!

НАТАША.

Они—за одно! Будь вы прокляты! Вы оба...

САТИНЪ.

Н-ну, игра!.. Держись, Василій! Утопятъ они тебя.

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Понять невозможно!.. Ахъ, ты... дѣла!

ПЕПЕЛЪ.

Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто вѣришь, что я... съ ней...

САТИНЪ.

Ей-Богу, Наташа, ты... сообрази!

ВАСИЛИСА (*въ проулкѣ*).

Убили мужа моего... ваше благородіе... Васька Пепелъ, воръ... онъ убилъ... господинъ приставъ! Я—видѣла... всѣ видѣли...

НАТАША

(*мечется почти въ безпамятствѣ*).

Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиція—слушай... вотъ эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вотъ онъ, проклятый! — они убили! Берите ихъ... судите... Возьмите и меня... въ тюрьму меня! Христа ради... въ тюрьму меня!..

Занавѣсъ.

На днѣ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

На днѣ.

Обстановка перваго акта. Но комнаты Пепла—нѣтъ, переборки сломаны. И на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Клещъ, нѣтъ наковальни. Въ углу, гдѣ была комната Пепла, лежитъ Татаринъ, возится и стопетъ изрѣдка. За столомъ сидитъ Клещъ; онъ чинитъ гармонію, порою пробуя лады. На другомъ концѣ стола—Сатинъ, Баронъ и Настя. Предъ ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть чернаго хлѣба. На печи возится и кашляетъ Актеръ. Ночь, Сцена освѣщена лампой, стоящей посреди стола. На дворѣ вѣтеръ.

КЛЕЩЪ.

Д-да... онъ во время суматохи этой и пропалъ...

БАРОНЪ.

Исчезъ отъ полиціи... яко дымъ отъ лица огня...

САТИНЪ.

Тако исчезаютъ грѣшники отъ лица праведныхъ!

НАСТЯ.

Хорошій былъ старичекъ!.. А вы... не люди... вы — ржавчина!

БАРОНЪ *(пьетъ)*.

За ваше здоровье, леди!

САТИНЪ.

Любопытный стариканъ... да! Вотъ Настенка—влюбилась въ него...

НАСТЯ.

И влюбилась... и полюбила! Вѣрно! Онъ—все видѣлъ... все понималъ...

САТИНЪ *(смѣясь).*

И вообще... для многихъ былъ... какъ мякишъ для беззубыхъ...

БАРОНЪ *(смѣясь).*

Какъ пластырь для нарывовъ...

КЛЕЩЪ.

Онъ... жалостливый былъ... у васъ вотъ... жалости нѣтъ...

САТИНЪ.

Какая польза тебѣ, если я тебя пожалѣю?..

КЛЕЩЪ.

Ты — можешь... не то, что пожалѣть можешь... ты умѣешь не обижать...

ТАТАРИНЪ

(садится на нарахъ и качаетъ свою больную руку, какъ ребенка).

Старикъ хорошъ былъ... законъ душѣ имѣлъ! Кто законъ душа имѣетъ, — хорошъ! Кто законъ терялъ — пропалъ!..

БАРОНЪ.

Какой законъ, князь?

ТАТАРИНЪ.

Такой... Разный... Знаешь, какой...

БАРОНЪ.

Дальше!

ТАТАРИНЪ.

Не обижай человѣка,—вотъ законъ!

САТИНЪ.

Это называется «Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ»...

БАРОНЪ.

И еще — «Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями»...

ТАТАРИНЪ.

Коранъ называетъ... вашъ Коранъ должна быть законъ... Душа—долженъ быть Коранъ... да!

КЛЕЩЪ *(пробуя гармонію).*

Шипитъ, дьяволъ! А князь вѣрно говоритъ... надо жить—по закону... по Евангелію...

САТИНЪ.

Живи...

БАРОНЪ.

Попробуй...

ТАТАРИНЪ.

Магометъ далъ Коранъ, сказалъ: вотъ—законъ! Дѣлай, какъ написано тутъ! Потомъ придетъ время, — Коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время дастъ свой законъ...

САТИНЪ.

Ну да... пришло время и дало «Уложеніе о Наказаніяхъ»... Крѣпкій законъ... нескоро износишь!

НАСТЯ

(ударяетъ стаканомъ по столу).

И чего... зачѣмъ я живу здѣсь... съ вами? Уйду... пойду куда-нибудь... на край свѣта!

БАРОНЪ.

Безъ башмаковъ, леди?

НАСТЯ.

Голая! На четверенькахъ поползу!

БАРОНЪ.

Это будетъ картинно, леди... если на четверенькахъ...

НАСТЯ.

Да, и поползу! Только-бы мнѣ не видѣть твоей рожи... ахъ, опротивѣло мнѣ все! Вся жизнь... всѣ люди!..

САТИНЪ.

Пойдешь,—такъ захвати съ собой Актера... Онъ туда-

же собирается... ему извѣстно стало, что всего въ полуверстѣ отъ края свѣта стоитъ лечебница для органоновъ...

АКТЕРЪ *(высовываясь съ печи).*

Орга-ни-змо-въ, дуракъ!

САТИНЪ.

Для органоновъ, отравленныхъ алкоголемъ...

АКТЕРЪ.

Да! Онъ—уйдетъ! Онъ уйдетъ... увидите!

БАРОНЪ.

Кто—онъ, сэръ?

АКТЕРЪ.

Я!

БАРОНЪ.

Mercі, служитель богини... какъ ее? Богиня драмъ, трагедіи... какъ ее звали?

АКТЕРЪ.

Муза, болванъ! Не богиня, а—муза!

САТИНЪ.

Лахеза... Гера... Афродита... Атропа... чортъ ихъ разберетъ! Это все старикъ... навинтилъ Актера... понимаешь, Баронъ?

БАРОНЪ.

Старикъ—глупъ...

АКТЕРЪ.

Невѣжды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди безъ сердца! Вы увидите—онъ уйдетъ! «Обжирайтесь, мрачные умы»... стихотвореніе Беранжера... да! Онъ—найдетъ себѣ мѣсто... гдѣ нѣтъ... нѣтъ...

БАРОНЪ.

Ничего нѣтъ, сэръ?

АКТЕРЪ.

Да! Ничего! «Яма эта... будетъ мнѣ могилой... умираю, немощный и хилый!» Зачѣмъ вы живете? Зачѣмъ?

БАРОНЪ.

Ты! Кинъ или геній и безпутство! Не ори!

АКТЕРЪ.

Врешь! Буду орать!

НАСТЯ

(поднимая голову со стола, взмахиваетъ руками).

Кричи! Пусть слушаютъ!

БАРОНЪ.

Какой смыслъ, леди?

САТИНЪ.

Оставь ихъ, Баронъ! Къ чорту!.. Пускай кричатъ...

разбиваютъ себѣ головы... пускай! Смыслъ тутъ есть!.. Не мѣшай человѣку, какъ говорилъ старикъ... Да, это онъ, старая дрожжа, проквасилъ намъ сожителей...

КЛЕЩЪ.

Поманилъ ихъ куда-то... а самъ —дорогу не сказалъ...

БАРОНЪ.

Старикъ—шарлатанъ...

НАСТЯ.

Врешь! Ты самъ—шарлатанъ!

БАРОНЪ.

Цыцъ, леди!

КЛЕЩЪ.

Правды онъ... не любилъ, старикъ-то... Очень противъ правды возставалъ... такъ и надо! Вѣрно, — какая тутъ правда? И безъ нея — дышать нечѣмъ... Вонъ князь... руку-то раздавилъ на работѣ... отпилить напрочь руку-то придется, слышь... вотъ-те и правда!

САТИНЪ

(ударяя кулакомъ по столу).

Молчать! Вы—всѣ—скоты! Дубье... молчать о старикѣ! *(Спокойнѣе).* Ты, Баронъ,—всѣхъ хуже!.. Ты—ничего не понимаешь... и—врешь! Старикъ — не шарлатанъ! Что такое—правда? Человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ... вы—нѣтъ! Вы—тупы, какъ кирпичи... Я—понимаю ста-

рика... да! Онъ вралъ... но — это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми! Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... я — знаю! я — читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающихъ съ голода... Я — знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками,—тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе—прикрываются ею... А кто — самъ себѣ хозяинъ... кто не зависимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь — религія рабовъ и хозяевъ... Правда—Богъ свободнаго человѣка!

БАРОНЪ.

Браво! Прекрасно сказано! Я — согласенъ! Ты говоришь... какъ порядочный человѣкъ!

САТИНЪ.

Почему-же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорятъ, какъ шулера? Да... я много позабылъ, но еще кое-что знаю! Старикъ? Онъ—умница!.. Онъ... подѣйствовалъ на меня, какъ кислота на старую и грязную монету... Выпьемъ за его здоровье! Наливай...

(Настя наливаетъ стаканъ пива и даетъ Сатину).

САТИНЪ *(усмѣхаясь).*

Старикъ живетъ изъ себя... онъ на все смотритъ своими глазами. Однажды я спросилъ его: дѣдъ! зачѣмъ живутъ люди?... *(Стараясь говорить голосомъ Луки и подражая его манерамъ).* «А—для лучшаго люди-то живутъ, милачокъ! Вотъ, скажемъ, живутъ столяры и все—хламъ—народъ... И вотъ отъ нихъ рождается столяръ... такой

столяръ, какого подобнаго и не видала земля; всѣхъ превысплъ и нѣтъ ему во столярахъ равнаго. Всему онъ столярному дѣлу свой обликъ даетъ... и сразу дѣло на двадцать лѣтъ впередъ двигаетъ... Такъ же и всѣ другіе... слесаря, тамъ... сапожники и прочіе рабочіе люди... и всѣ крестьяне... и даже господа—для лучшаго живутъ! Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что для лучшаго! По сту лѣтъ... а, можетъ, и больше «для лучшаго человѣка живутъ!»

(Настя упорно смотритъ въ лицо Сатина. Клещъ перестаетъ работать надъ гармоніей и тоже слушаетъ. Баронъ, низко наклонивъ голову, тихо бьетъ пальцами по столу. Актеръ, высунувшись съ печи, хочетъ осторожно слѣзть на нары).

САТИНЪ.

«Всѣ, милачокъ, всѣ, какъ есть, для лучшаго живутъ! Потому-то всякаго человѣка и уважать надо... непзвѣстно вѣдь намъ, кто онъ такой, зачѣмъ родился и чего сдѣлать можетъ... можетъ, онъ родился-то на счастье намъ... для большой намъ пользы?.. Особливо-же, дѣтокъ надо уважать... ребятишекъ! Ребятишкамъ — просторъ надобенъ! Дѣткамъ-то жить не мѣшайте... Дѣтокъ уважьте!» *(Пауза).*

БАРОНЪ *(задумчиво).*

Мм-да... для лучшаго? Это... напоминаетъ наше семейство... Старая фамилія... временъ Екатерины... дворяне.... вояки!.. выходцы изъ Франціи... Служили, поднимались все выше... При Николаѣ I дѣдъ мой, Густавъ Дебиль.. занималъ высокій постъ... богатство... сотни крѣпостныхъ... лошади... повара...

НАСТЯ.

Врешь! Не было этого!

БАРОНЪ *(вскакивая).*

Что-о? Н-ну... дальше?!

НАСТЯ.

Не было этого!

БАРОНЪ *(кричитъ).*

Домъ въ Москвѣ! Домъ въ Петербургѣ! Кареты... кареты съ гербами!

(Клещъ беретъ гармонію, встаетъ и отходитъ въ сторону, откуда наблюдаетъ за сценой).

НАСТЯ.

Не было!

БАРОНЪ.

Цыцъ! Я говорю... десятки лакеевъ!..

НАСТЯ *(съ наслажденіемъ).*

Н-не было!

БАРОНЪ.

Убью!

НАСТЯ
(приготовляясь бѣжать).

Не было каретъ!

САТИНЪ.

Брось, Настенка! Не зли его...

БАРОНЪ.

Подожди... ты, дрянь! Дѣдъ мой...

НАСТЯ.

Не было дѣда! Ничего не было!

(Сатинъ хохочетъ).

БАРОНЪ

(усталый отъ гнѣва садится на скамью).

Сатинъ, скажи ей... шлюхѣ... ты тоже смѣешься? Ты.. тоже—не вѣришь? *(Кричитъ съ отчаяньемъ, ударяя кулаками по столу).* Было, чортъ васъ возьми!

НАСТЯ *(торжествуя).*

А-а, взвылъ? Понялъ, каково человѣку, когда ему не вѣрятъ?

КЛЕЩЪ *(возвращаясь къ столу).*

Я думалъ, драка будетъ...

ТАТАРИНЪ.

А-ахъ, глупы люди! Очень плохо!

БАРОНЪ.

Я... не могу позволить издѣваться надо мной! У меня доказательства есть... документы, дьяволъ!

САТИНЪ.

Брось ихъ! И забудь о каретахъ дѣдушки... въ каретѣ прошлаго никуда не уѣдешь...

БАРОНЪ.

Какъ она смѣетъ, однако!

НАСТЯ.

Ска-ажите! Какъ смѣю!..

САТИНЪ.

Видишь, смѣетъ! Чѣмъ она хуже тебя? Хотя у нея въ прошломъ, ужъ навѣрное, не было не только каретъ и — дѣдушки, а даже отца съ матерью...

БАРОНЪ *(успокаиваясь).*

Чортъ тебя возьми... ты... умѣешь разсуждать спокойно... А у меня... кажется, нѣтъ характера...

САТИНЪ.

Заведи. Вещь—полезная... *(Пауза).* Настя! Ты ходишь въ больницу?

НАСТЯ.

Зачѣмъ?

САТИНЪ.

Къ Наташѣ?

НАСТЯ.

Хватился! Она давно вышла... вышла и — пропала! Нигдѣ ея нѣтъ...

САТИНЪ.

Значитъ—вся вышла...

КЛЕЩЪ.

Интересно кто кого крѣпче всадитъ? Васька—Василису, или она его?

НАСТЯ.

Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську—въ каторгу пошлютъ...

САТИНЪ.

За убійство въ дракѣ—только тюрьма...

НАСТЯ.

Жаль. Въ каторгу — лучше-бы... Всѣхъ-бы васъ... въ каторгу... смести-бы васъ, какъ соръ... куда-нибудь въ яму!

САТИНЪ *(удивленно)*.

Что ты? Сбѣсилась?

БАРОНЪ.

Вотъ я ей въ ухо дамъ... за дерзости!

НАСТЯ.

Попробуй! Тронь!

БАРОНЪ.

Я—попробую!

САТИНЪ.

Брось! Не тронь... не обижай человѣка! У меня изъ головы вонъ не идетъ... этотъ старикъ! *(Хохочетъ).* Не обижай человѣка!.. А если меня однажды обидѣли и—на всю жизнь сразу! Какъ быть? Простить? Ничего. Никому...

БАРОНЪ *(Настѣ).*

Ты должна понимать, что я — не чета тебѣ! Ты... мразь!

НАСТЯ.

Ахъ, ты, несчастный! Вѣдь ты... ты мной живешь, какъ червь яблокомъ!

(Дружный взрывъ хохота мужчинъ).

КЛЕЩЪ.

Ахъ... дура! Яблочко!

БАРОНЪ.

Нельзя... сердиться... вотъ идіотка!

НАСТЯ.

Смѣетесь? Врете! Вамъ—не смѣшно!

АКТЕРЪ *(мрачно).*

Катай ихъ!

НАСТЯ.

Кабы я... могла! Я-бы васъ... *(беретъ со стола чашку и бросаетъ на полъ)* вотъ какъ!

ТАТАРИНЪ.

Зачѣмъ посуда бить? Э-э... болванка!..

БАРОНЪ *(вставая)*.

Нѣтъ, я ее сейчасъ... научу манерамъ!

НАСТЯ *(убѣгая)*.

Чортъ васъ возьми!

САТИНЪ *(вслѣдъ ей)*.

Эй! Полно! Кого ты пугаешь? Въ чемъ дѣло, наконецъ?

НАСТЯ.

Волки! Чтобъ вамъ издохнуть! Волки!

АКТЕРЪ *(мрачно)*.

Аминь!

ТАТАРИНЪ.

У-у! Злой баба—русскій баба! Дерзкій... вольна! Татарка—нѣтъ! Татарка—законъ знаетъ!

КЛЕЩЪ.

Трепку ей надо дать...

БАРОНЪ.

М-мерзавка!

КЛЕЩЪ *(пробуя гармонію).*

Готова! А хозяина ея — все нѣтъ... Горитъ парнишка...

САТИНЪ.

Теперь—выпей!

КЛЕЩЪ.

Спасибо! Да и на боковую пора...

САТИНЪ.

Привыкаешь къ намъ?

КЛЕЩЪ

(выпивъ, отходитъ въ уголъ къ нарамъ).

Ничего... Вездѣ—люди... Сначала—не видишь этого... потомъ—поглядишь, окажется, всѣ люди... ничего!

(Татаринъ разстилаетъ что-то на нарахъ, становится на колѣни и—молится).

БАРОНЪ

(указывая Сатину на Татарина).

Гляди!

САТИНЪ.

Оставь! Онъ—хорошій парень... не мѣшай! *(Хохочетъ).* Я сегодня—добрый... чортъ знаетъ почему!..

БАРОНЪ.

Ты всегда добрый, когда выпьешь... И умный...

САТИНЪ.

Когда я пьянъ... мнѣ все нравится. Н-да... Онъ — молится? Прекрасно! Человѣкъ можетъ вѣрить и не вѣрить... это его дѣло! Человѣкъ—свободенъ... онъ за все платитъ самъ: за вѣру, за невѣріе, за любовь, за умъ. Человѣкъ за все платитъ самъ и потому онъ — свободенъ!.. Человѣкъ — вотъ правда! Что такое человѣкъ?.. Это не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! *(Очерчиваетъ пальцемъ въ воздухѣ фигуру человѣка).* Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ—всѣ начала и концы... Все—въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все-же остальное—дѣло его рукъ и его мозга! Чело-вѣкъ! Это—великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ло-вѣкъ! Надо уважать человѣка! Не жалѣть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьемъ за человѣка, Баронъ! *(Встаетъ).* Хорошо это—чувствовать себя человѣкомъ! Я—арестантъ, убійца, шулеръ—ну, да! Когда я иду по улицѣ,—люди смотрятъ на меня какъ на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорятъ мнѣ — мерзавецъ! Шарлатанъ! Работай! Работать? Для чего? Чтобы быть сытымъ? *(Хохочетъ).* Я всегда презиралъ людей, которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобы быть сытыми. Не въ этомъ дѣло, Баронъ! Не въ этомъ дѣло! Человѣкъ — выше! Человѣкъ—выше сытости!

БАРОНЪ *(качая головой).*

Ты—разсуждаешь... Это хорошо... это, должно быть, грѣетъ сердце... У меня — нѣтъ этого... я — не умѣю!

Оглядывается и—тихо, осторожно). Я, братъ, боюсь.... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому—что-же дальше?

САТИНЪ *(ходитъ).*

Пустяки! Кого бояться человѣку?

БАРОНЪ

Знаешь... съ той поры, какъ я помню себя... у меня въ башкѣ стоитъ какой-то туманъ. Никогда и ничего не понималъ я. Мнѣ... какъ-то неловко... мнѣ кажется, что я всю жизнь только переодѣвался... а зачѣмъ? Не понимаю! Учился,—носилъ мундиръ дворянскаго института... а чему учился? Не помню... Женился, — одѣлъ фракъ, потомъ халатъ... а жену взялъ скверную и—зачѣмъ? Не понимаю... Прожилъ все, что было,—носилъ какой-то сѣрый пиджакъ и рыжіе брюки... а какъ разорился? Не замѣтилъ... Служилъ въ казенной палатѣ... мундиръ, фуражка съ кокардой... растратилъ казенныя деньги,—надѣли на меня арестантскій халатъ... потомъ — одѣлъ вотъ это... И все... какъ во снѣ... а? Это... смѣшно...

САТИНЪ.

Не очень... Скорѣе—глупо...

БАРОНЪ.

Да... и я думаю, что глупо... А... вѣдь зачѣмъ-нибудь я родился... а?

САТИНЪ *(смѣясь).*

Вѣроятно... Человѣкъ рождается для лучшаго! *(Кивая головой).* Такъ... хорошо!

БАРОНЪ.

Эта... Настька!.. Убѣжала... куда? Пойду, посмотрю... гдѣ она? Все-таки... она... *(Уходитъ. Пауза).*

АКТЕРЪ.

Татаринъ! *(Пауза).* Князь!

(Татаринъ поворачиваетъ голову).

АКТЕРЪ.

За меня... помолись...

ТАТАРИНЪ.

Чего?

АКТЕРЪ *(тише).*

Помолись... за меня!..

ТАТАРИНЪ *(помолчавъ).*

Самъ молись...

АКТЕРЪ

(быстро слѣзаетъ съ печи, подходитъ къ столу, дрожащей рукой наливаетъ водки, пьетъ и — почти бѣжитъ въ сѣни).

Ушелъ!

САТИНЪ.

Эй ты, спкамбръ! Куда? *(Свиститъ. Входятъ — Медвѣдевъ въ женской ватной кофтѣ и Бубновъ; оба выпивши, но не очень. Въ одной рукѣ Бубнова — связка*

кренделей, въ другой — нѣсколько штукъ воблы, подъ мышкой — бутылка водки, въ карманѣ пиджака — другая).

МЕДВѢДЕВЪ.

Верблюдъ—онъ вродѣ... осла! Только безъ ушей...

БУБНОВЪ.

Брось! Ты самъ—вродѣ осла.

МЕДВѢДЕВЪ.

Ушей вовсе нѣтъ у верблюда... онъ—ноздрей слышитъ...

БУБНОВЪ *(Сатину).*

Другъ! Я тебя искалъ по всѣмъ трактирамъ-кабакамъ! Возьми бутылку, у меня всѣ руки заняты!

САТИНЪ.

А ты—положи кренделя на столъ, одна рука освободится...

БУБНОВЪ.

Вѣрно! Ахъ ты... Бутарь, гляди! Вотъ онъ, а? Умница!

МЕДВѢДЕВЪ.

Жулики—всѣ умные... я знаю! Имъ безъ ума—невозможно. Хорошій человѣкъ, онъ—и, глупый, хорошъ, а плохой — обязательно долженъ имѣть умъ. Но, насчетъ верблюда, ты невѣрно... онъ—животная ѣздовая... роговъ у него нѣтъ... и зубовъ нѣтъ...

БУБНОВЪ.

Гдѣ—народъ? Отчего здѣсь людей нѣтъ? Эй, вылѣзай... я—угощаю! Кто въ углу?

САТИНЪ.

Скоро ты пропьешься? Чучело!

БУБНОВЪ.

Я—скоро! Въ этотъ разъ капиталъ я накопилъ—коротенькій... Зобъ! Гдѣ Зобъ?

КЛЕЩЪ (*подходя къ столу*).

Нѣтъ его...

БУБНОВЪ.

У-у-ррр! Барбосъ! Бррю, брлю, брлю! Индюкъ! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, носъ не вѣшай... Я всѣхъ угощаю! Я, братъ, угощать люблю! Кабы я былъ богатый... я-бы... безплатный трактиръ устроилъ! Ей-Богу! Съ музыкой и чтобы хоръ пѣвцовъ... Приходи, пей, ѣшь, слушай пѣсни... отводи душу! Бѣднякъ - человѣкъ... айда ко мнѣ въ безплатный трактиръ! Сатинъ! Я-бы... тебя-бы... бери половину всѣхъ моихъ капиталовъ! Вотъ какъ!

САТИНЪ.

Ты мнѣ сейчасъ отдай все...

БУБНОВЪ.

Весь капиталъ? Сейчасъ? На! Вотъ—рубль... вотъ еще... двугривенный... пятаки... семишники... все!

САТИНЪ.

Ну и ладно! У меня — цѣлѣе будетъ. Сыграю я на нихъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

Я—свидѣтель... отданы деньги на сохраненіе... числомъ сколько?

БУБНОВЪ.

Ты? Ты—верблюдъ... Намъ свидѣтелей не надо...

АЛЕШКА *(входитъ босый).*

Братцы! Я ноги промочилъ!

БУБНОВЪ.

Иди, промочи горло... Только и всего! Милый ты... поешь ты и играешь... очень это хорошо! А—пьешь—напрасно! Это, братъ, вредно... пить—вредно!..

АЛЕШКА.

По тебѣ вижу! Ты—только пьяный и похожъ на человѣка... Клещъ! Гармошку—починилъ? *(Поетъ, приплясывая)*

Эхъ, кабы мое рыло
Не красиво было,
Такъ меня-бы кума моя
Вовсе не любила!

Озябъ я, братцы! Х-холодно!

МЕДВѢДЕВЪ.

Мм... а если спросить: кто такая кума?

БУБНОВЪ.

Отстань! Ты, братъ, теперь—тю-тю! Ты ужъ не бутошникъ... кончено! И не бутошникъ, и не дядя...

АЛЕШКА.

А просто—тёткинъ мужъ!

БУБНОВЪ.

Одна твоя племянница — въ тюрьмѣ, другая — помираетъ...

МЕДВѢДЕВЪ *(гордо)*.

Врешь! Она—не помираетъ: она у меня безъ вѣсти пропала!

(Сатинъ хохочетъ).

БУБНОВЪ.

Все равно, братъ! человѣкъ безъ племянницъ — не дядя!

АЛЕШКА.

Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщикъ!

У кумы—есть деньги,
У меня—ни гроша!
Зато я веселый мальчикъ,
Зато я—хорошій!

Холодно!

(Входитъ Зобъ; потомъ—до конца акта—еще нѣсколько фигуръ, мужчинъ и женщинъ. Они раздѣваются, укладываются на нарахъ, ворчатъ).

ЗОБЪ.

Бубновъ! Ты чего сбѣжалъ?

БУБНОВЪ.

Иди сюда! Садись... запоемъ мы, братъ! Любимую мою... а?

ТАТАРИНЪ.

Ночь, спать надо! Пѣсня пѣть днемъ надо!

САТИНЪ.

Ну, ничего, князь! Ты—иди сюда!

ТАТАРИНЪ.

Какъ — ничего? Шумъ будетъ... когда пѣсня поютъ, шумъ бываетъ...

БУБНОВЪ *(идя къ нему).*

Князь! Что—рука? Отрѣзали тебѣ руку?

ТАТАРИНЪ.

Зачѣмъ? Погодимъ... можетъ—не надо рѣзать... Рука—не желѣзный, рѣзать—не долго...

КРИВОЙ ЗОБЪ.

Ямань твое дѣло, Асанка! Безъ руки ты—никуда не

годишься! Нашъ братъ по рукамъ да по спинѣ цѣнится... Нѣтъ руки—и человѣка нѣтъ! Табакъ твое дѣло!.. Иди водку пить... больше никакихъ!

КВАШНЯ *(входитъ)*.

Ахъ, жители вы мои милые! На дворѣ-то, на дворѣ-то! Холодъ, слякоть... Бутошникъ мой здѣсь? Бутарь!

МЕДВѢДЕВЪ.

Я!

КВАШНЯ.

Опять мою кофту таскаешь? И какъ будто ты... немножко того, а? Ты что же это?

МЕДВѢДЕВЪ.

По случаю именинъ... Бубновъ... и — холодно... слякоть!

КВАШНЯ.

Ты гляди у меня... слякоть! Не балуй... Иди-ка спать...

МЕДВѢДЕВЪ *(уходитъ въ кухню)*.

Спать я—могу... я хочу... пора!

САТИНЪ.

Ты чего... больно строга съ нимъ?

КВАШНЯ.

Нельзя, дружокъ, иначе. Подобнаго мужчину надо въ строгости держать. Я его въ сожители взяла: думала,

польза мнѣ отъ него будетъ... какъ онъ—человѣкъ военный, а вы—люди буйные... мое-же дѣло—бабье... А онъ—шить! Это мнѣ ни къ чему!

САТИНЪ.

Плохо ты выбрала помощника...

КВАШНЯ.

Нѣтъ—лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вонъ какой! А и станешь жить со мной, не больше недѣли сроку... проиграешь меня въ карты со всей моей требухой!

САТИНЪ *(хохочетъ)*.

Это вѣрно, хозяйка! Проиграю...

КВАШНЯ.

То-то! Алешка!

АЛЕШКА.

Вотъ онъ—я!

КВАШНЯ.

Ты—что про меня болтаешь?

АЛЕШКА.

Я? Все! Все, по совѣсти. Вотъ, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудовъ, а мозгу — золотника нѣту!

КВАШНЯ.

Ну, это ты врешь! Мозгъ у меня даже очень есть...

Нѣтъ, ты зачѣмъ говоришь, что я бутошника моего бью?

АЛЕШКА.

Я думалъ, ты его била, когда за волосы таскала...

КВАШНЯ *(смѣясь).*

Дуракъ! А ты — будто не видишь. Зачѣмъ соръ изъ избы выносить?.. И опять-же, обидно ему... Онъ отъ твоего разговору шить началъ...

АЛЕШКА.

Стало быть правду говорятъ, что и курица пьетъ!

(Сатинъ, Клещъ—хохочутъ).

КВАШНЯ.

У, зубоскалъ! И что ты за человѣкъ, Алешка?

АЛЕШКА.

Самый первый сортъ человѣкъ! На всѣ руки! Куда глазъ мой глянетъ, туда меня и тянетъ!

БУБНОВЪ *(около наръ Татарина).*

Идемъ! Все равно — спать не дадимъ! Пѣть будемъ... всю ночь! Зобъ!

ЗОБЪ.

Пѣть? Можно...

АЛЕШКА.

А я—подыграю!

САТИНЪ.

Послушаемъ!

ТАТАРИНЪ *(улыбаясь).*

Ну, шайтанъ Бубна... подноси вина! Пить будимъ, гулять будимъ, смерть пришолъ—помирать будимъ!

БУБНОВЪ.

Наливай ему, Сатинъ! Зобъ, садись! Эхъ, братцы! Много-ли человѣку надо? Вотъ я — выпилъ и — радъ! Зобъ!.. Затягивай... любимую! Запою... заплачу!..

ЗОБЪ (*запѣваетъ*).

Со-олнце всходитъ и захо-оди-итъ...

БУБНОВЪ (*подхватывая*).

А-а въ тюрьмѣ моей темно-о!

(*Дверь быстро отворяется*).

БАРОНЪ

(*стоя на порогѣ кричитъ*).

Эй... вы! Иди... идите сюда! На пустырѣ... тамъ... Актеръ... удавился!

(*Молчаніе. Всѣ смотрятъ на Барона. Изъ-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрывъ глаза, идетъ къ столу*).

САТИНЪ (*не громко*).

Эхъ... испортилъ пѣсню... дур-ракъ!

Занавѣсъ.

Лен. Гос. Инт
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

Действ. лица

Нил Тарасенк

Петръ

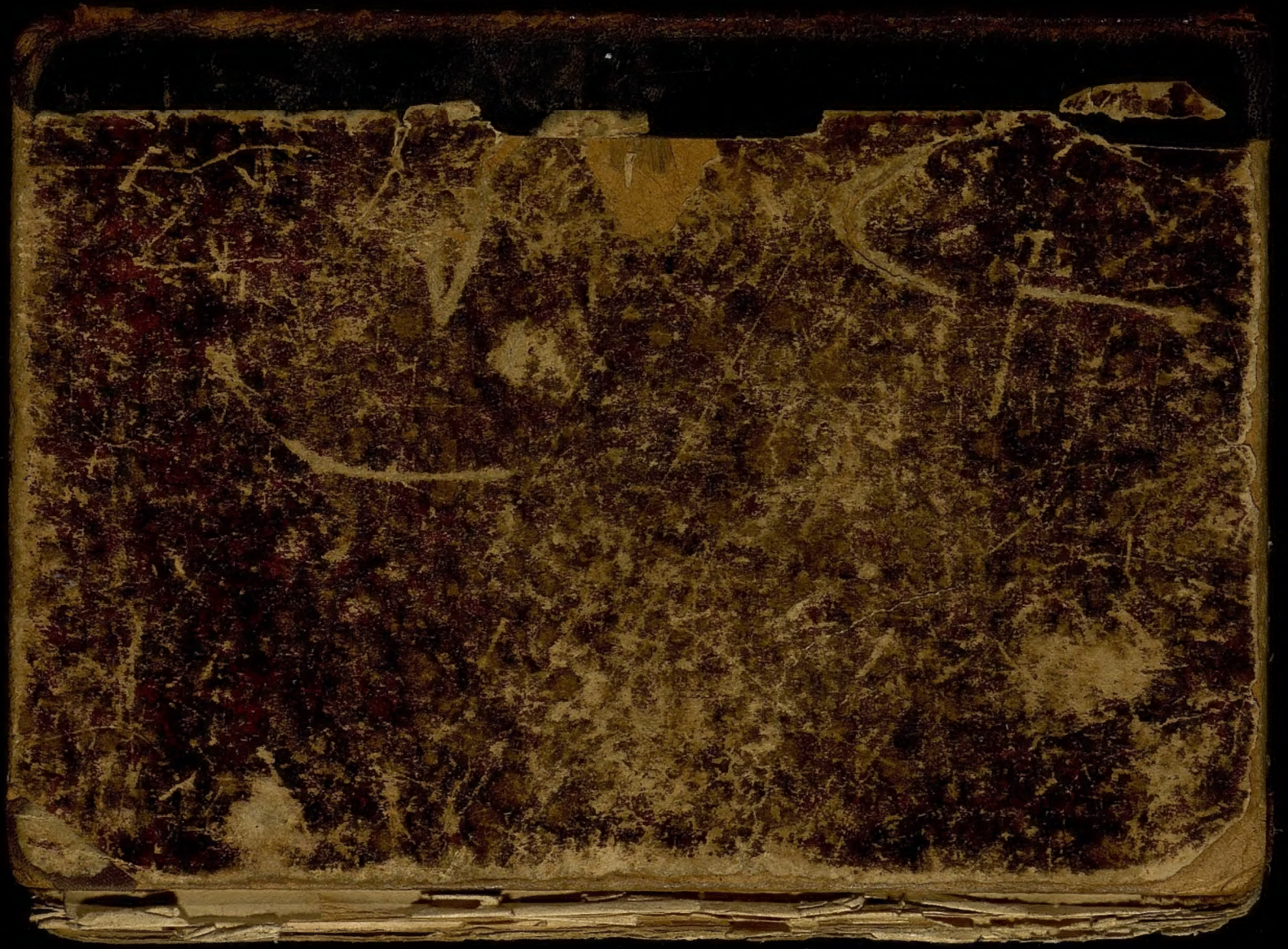
Татьяна.

Бессеменов

Перчихин

Варя

Елена

Цветаева

Акулина Ивановна